

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК за 1994 год

Основан в 1957 году
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА "НАУКА"
1996

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ АКАДЕМИКА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

С.О. Шмидт

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Организация заседания памяти академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского – несомненное свидетельство того, что творения выдающегося историка-мыслителя начала XX в. возвращаются к нам. И не только как почетная классика славного историографического наследия, которой должно гордиться, но вовсе не обязательно пользоваться в повседневном обиходе науки и культуры. Сотворенное Лаппо-Данилевским все в большей мере воспринимается как необходимая составная часть нашего сегодняшнего знания, важная в практической деятельности исследователей и в преподавании.

Это – показатель изменений и климата общественно-политической жизни (очевидного и по многим иным наблюдениям), и представлений о самом предмете "историография" и критериях подхода к историографическим явлениям. Расстаются с насильственно навязываемыми (еще со времен М.Н. Покровского) политизированными революционно-идеологическими оценками; постепенно высшим приоритетом становятся общечеловеческие ценности. И потому отнюдь неслучайно совпадение во времени возвращения к нам столь, казалось бы, разных историков, к тому же разделенных несколькими поколениями, как Карамзин и Лаппо-Данилевский. Воспитание историей начинают рассматривать как нравственное воспитание, обращение к совести. В "Истории государства Российского" привлекает откровенная нерасторжимость объективности (уважение к историческому факту, к свидетельствам исторического источника, к истине в истории) и субъективности – личного отношения к прошлому (Карамзин "ликует и скорбит" вместе с читателем и сам показывает ему взаимосвязь прошлого с настоящим, обращаясь к общечеловеческому, "к душе, уму и сердцу"). Лаппо-Данилевский же ведет нас к овладению почти математически-нейтральными приемами точного исследования. А это в век науки о науке, когда ознакомление с лабораторией исследовательского процесса кажется зачастую не менее интересным и привлекательным, чем познание его конкретного результата, воспринимается тоже как общечеловеческая ценность; и в общении к подобным методам научной работы усматривается путь к исторической правде.

Еще недавно историографию, т.е. историю исторической науки (даже исторической мысли) сводили прежде всего к конструкции типа концепций исторического процесса в целом (или какого-то его периода, какой-то его сферы – экономической, государственно-политической и др.) или истории одной страны (народа), чаще всего России. При этом акцентировали внимание на общественно-политических воззрениях (или даже практической деятельности) автора, отражение которых жестко усматривали и в его философских, этических, эстетических взглядах и суждениях. И все это окрашивалось в цвета классово-партийной борьбы (история общественной мысли как "процесс борьбы ре-

акционных и революционных течений"¹), к тому же обычно без учета оттенков, а также возрастных изменений взглядов. От сфер социальной психологии, этики, эстетики, теории познания историографию, как правило, отгораживали.

И автор лучшей и по сей день книги обобщающего типа по русской историографии Н.Л. Рубинштейн был осужден неинтеллигентной частью своих же коллег историков вовсе не только за то, что подлежало обличению в ту недобрую пору борьбы с космополитами, но и за недостаточную этим "коллегам" широту историографического и науковедческого кругозора, за стремление к отображению мысли историка в развитии, многообразии и во взаимосвязи с иными сферами науки и культуры. В книге Рубинштейна 1941 г. "Русская историография", сведениям о Лаппо-Данилевском отведено сравнительно мало текста, но отмечено, что он "выделяется в ряду историков рассматриваемого периода исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ" и занял видное место в развитии русского источниковедения "созданием специальной дисциплины-дипломатики частных актов, непосредственно возникающей в процессе изучения соответствующего документального материала". Указано и на то, что риккертское понятие "абсолютных ценностей" приобрело у российского мыслителя "этико-религиозный характер" и рассматривается в контексте истории всего человечества. Приводится и цитата из апологетического по существу сочинения А.Е. Преснякова², близкого к Лаппо-Данилевскому.

В позднейших учебниках историографии (1961 и 1971 гг.), в написанных И.К. Додоновым разделах соответствующей тематики обоих изданий кратко пересказывается отмеченное еще Рубинштейном положение о трудах собственно исторической тематики и главное внимание сосредоточивается на противопоставлении взглядов идеалиста Лаппо-Данилевского теории марксизма-ленинизма. При этом указывается, что они "являются ярким проявлением глубокого идейного упадка буржуазно-дворянской исторической мысли периода империализма"³. Значительно объективнее и более многосторонне характеристики творчества ученого в курсе лекций А.Л. Шапиро "Русская историография периода империализма" (Л., 1962).

В 1949 г. в журнале "Вопросы истории" (№ 8) напечатали тенденциозную статью Л.В. Черепнина "А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед". Этот большой ученый безусловно испытал плодотворное воздействие трудов Лаппо-Данилевского, что явственно заметно в его знаменитой монографии о феодальных архивах и, судя по отзывам слушателей, выявлялось и в лекционном курсе по источниковедению в МГИАИ – да иначе и быть не могло в те годы, когда там кафедрой вспомогательных исторических дисциплин заведовал А.И. Андреев; ибо одним из поводов вынужденного ухода его с кафедры (как и Черепнина) была попытка организовать научное заседание в связи с памятной годовщиной кончины Лаппо-Данилевского, Черепнина вынудили вслед за тем написать статью в обличительном стиле того времени, где характеристика общественных взглядов, оцениваемых – согласно официальной точке зрения – как ущербные, распространялась и на методологию и даже методику исследований петербургского ученого. Не смеем осуждать Льва Владимировича. Знаем – теперь даже на основании судебной документации – как жестоко и несправедливо он пострадал в молодые годы, в период преследования историков по сфабрикованному "делу" академика С.Ф. Платонова и других ученых и какой страх испытывал от мысли, что подобное может повториться. Значи-

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 355.

² См. об этом: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 484–485, 493, 502–504.

³ Историография истории СССР / Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С. 382–383.

тельно позднее, утвердив уже званием академика свое положение в отношении к властным структурам и делая немало доброго для восстановления имен, вычеркнутых из истории советской исторической науки, Л.В. Черепнин рассуждал об этом в статье 1973 г. Стараясь отмежеваться от напечатанного им в конце периода сталинского правления, Черепнин заметил, что "недостатком статьи" 1949 г. был "односторонне негативный характер", а на приемы критики "наложили отпечаток" направленность и формы проводимых тогда научных дискуссий⁴.

Соответствующей тематики главы III тома "Очерков истории исторической науки в СССР", изданного в 1963 г., после XX съезда КПСС, написаны авторами, серьезно знакомыми с творчеством Лаппо-Данилевского (Л.В. Черепниным, С.М. Каштановым). И в книге обнаруживается стремление показать как бы две стороны облика Лаппо-Данилевского: в плане философии истории это – недошедший до позитивного осмысления марксизма, противостоящий ему мыслитель, и уже по одному тому неприемлемый для нашего мировоззрения; и в то же время исследователь-источниковед, обосновывавший существенно важное для всех в методике источниковедения и археографии. То же прослеживается в статье о Лаппо-Данилевском В.И. Буганова в вышедшем в свет в 1965 г. 8 томе "Советской исторической энциклопедии". И помнится, как настороженно и недоброжелательно встречали многие попытки переоценки научного значения трудов Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова и для их времени и для наших дней в статьях (Б.Г. Литвака, С.О. Шмидта) сборника 1969 г. "Источниковедение: теоретические и методические проблемы", хотя это была еще достаточно робкая попытка, оснащенная к тому же для самообороны щитом цитат из сочинений классиков марксизма-ленинизма. В статьях сборника утверждалось, что "на закате буржуазной историографии в России мы наблюдаем настоящий расцвет источниковедения" и "предубеждение к источниковедческим приемам Лаппо-Данилевского" идет от непонимания того, что техника исторического исследования развивается по закону преемственности не идеологической, а познавательной, и конкретное источниковедение сравнительно независимо от методологии. Отмечалось также, что вульгарно-социологические искривления в статьях конца 1940 – начала 1950-х годов "вели к недопониманию и недооценке роли выдающихся отечественных источниковедов в развитии мирового и отечественного источниковедения..."⁵

Однако интерес к творчеству и биографии Лаппо-Данилевского постепенно усиливается, и официально этому уже не противостояли. На Таллинском симпозиуме 1972 г. по актуальным проблемам источниковедения теоретическим положениям историка был посвящен доклад В.В. Фарсобина. В изданной в 1976 г. VIII-й книге ежегодника "Вспомогательные исторические дисциплины", редактируемого С.Н. Валком, неизменно преданным памяти своего Учителя, напечатали статью Г.И. Греховой "Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского": появились статьи томского исследователя П.Н. Хмылева и других авторов; имя Лаппо-Данилевского, ссылки на его сочинения все чаще встречаем и в трудах исследовательского типа, и в учебной литературе. К 1980-м годам возобладали более многосторонние и, соответственно, объективные оценки трудов Лаппо-Данилевского и его роли в развитии источниковедения (это отмечено в обзоре литературы 1960–1984 гг., составленном И.Л. Беленьким)⁶. Издали, наконец, в

⁴ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М. 1973. Вып. 1. С. 51.

⁵ Источниковедение: Теорет. и метод. проблемы. М., 1969. С. 54–55, 103–105.

⁶ Беленький И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984): Аналит. обзор. М., 1985. С. 19–22. См. также: Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX – начала XX в.: Сб. науч. ст. Воронеж, 1993. С. 140 – 149.

1990 г. первую часть исследования Лаппо-Данилевского "История политических идей в России XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики" под заголовком "История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв." Здесь же помещена и очень содержательная статья редактора книги А.И. Клибанова "А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель".

Возвращается историографии и образ исследователя, учителя, общественного деятеля, запечатленный его коллегами – и сверстниками и учениками. Тем самым, обогащается и представление о путях развития нашей историографии в 1910–1920-х годах. Встает задача творческого освоения этого снова пришедшего к нам достояния и включения его в выработанную уже систему понятий и о движении исторической мысли и о составе материалов, подлежащих использованию в нашей преподавательской деятельности (в областях и отечественной истории, и историографии, и источниковедения и иных – истории философии и социологии, исторической психологии, культурологии и др.), а, следовательно, и определения места в иерархии ценностей, в шкале имен выдающихся мыслителей и исследователей.

Можно наметить уже сейчас – хотя бы контурно – проблематику некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии Лаппо-Данилевского и написанного об ученом современниками.

Прежде всего надлежит выявить все, относящееся к творчеству самого Лаппо-Данилевского, и к тому, что определяем термином "научная школа Лаппо-Данилевского", а также обращение к творческому наследию ученого. А это не только историографические факты, когда откровенно признавалась связь с построениями и практической методикой Лаппо-Данилевского (или даже зависимость от них), но и такие случаи, когда уже нашим современникам приходится обнаруживать воздействие тех или иных творческих новаций именно А.С. Лаппо-Данилевского на труды других ученых. Работа эта облегчается наличием подготовленного под редакцией А.И. Андреева издания "Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского", вышедшего в 1929 г. в академической серии "Очерки по истории знаний" (выпуск VI). Первоочередная задача в этом плане – аннотирование кратких сведений издания, сопоставление имеющихся там данных с выявленными эпистолярными источниками и другими материалами и пополнение перечня напечатанных работ о Лаппо-Данилевском, опубликованного в книге 1929 г. (позднейшая из них по времени издания датирована там 1922 г.).

Это – обязательное условие и для выработки плана подготовки собрания сочинений Лаппо-Данилевского (и даже избранных его трудов) и для организации и осуществления применительно к Лаппо-Данилевскому и его научной школе исследований, связанных с представляющими многосторонний интерес проблемами: "Ученый-историк в системе научных коммуникаций", "Ученый-историк в сфере культуры", "Ученый и современное ему общество". Важно при этом изучать и "научные заготовки", выписки из работ других авторов, фрагменты и черновики его сочинений. Так появится дополнительный материал для ответа и на вопросы о степени оригинальности построений философских, социологических, культурологических, собственно исторических взглядов Лаппо-Данилевского и, в то же время, о степени зависимости его от трудов других мыслителей, в частности, модных в ту пору немецких философов.

Полагаю, что перед нами могут раскрыться едва ли не планетарные масштабы личности ученого и осмысливаемого им, допускающие сравнение с жизнью и творчеством его великого сверстника (историк старше его на полтора месяца) и близкого знакомого – естествоиспытателя и философа академика Владимира Ивановича Вернадского (к работе такого направления, насколько известно, приступила омская исследовательница В.П. Корзун). Несомненна близость в общественно-политических воззрениях обоих академиков и в 1905–1917 гг., и в

послереволюционное время. Обоим свойственна и особая чуткость восприятия происходящего в обществе и ощущение долга ученого и гражданина не оставаться в стороне от общественной жизни и четко выражать свои позиции и публично⁷. Оба, глубоко преданные своим научным изысканиям, живущие в постоянном напряжении ищущей исследовательской мысли, они были в то же время умелыми, инициативными организаторами науки, с охотой и явной заинтересованностью отдававшие время и силы подобной работе. Это было для них очевидно и проявлением долга ученого перед Отчизной.

Еще в большей степени ощущали они это, оказываясь на открытом всеобщем обозрении форуме всемирной науки. Интернационалисты по убеждению, всесторонне европейски образованные оба российских академика воспринимались за рубежом как принадлежащие к самой избранной элите ученых. В то же время они всегда чувствовали себя российскими патриотами, обязанными достойно своей Родины представлять Россию на мировом Олимпе наук: Лаппо-Данилевский занят был организацией Съезда Международной ассоциации академий, деятельно участвовал в работе Международных съездов историков, был председателем Исполнительного комитета по устройству такого съезда, намеченного в Петербурге в 1918 г. и мыслился, естественно, как его руководитель.

Творчество обоих ученых характеризуется, и так сказать, методическим интересом к наукам и не своего спектра (Вернадского – к гуманитарным, а Лаппо-Данилевского – к математике и к естественным). Оба прославились созданием новых направлений, отраслей в конкретных сферах научного знания, новых прикладных научных методик и в то же время новизной широкого философского осмысления проблем, ранее не изученных, или даже и не открывавшихся еще умственному взору их предшественников.

И в судьбе сотворенного ими, в восприятии этого – тоже много общего – сделанное обоими учеными в конкретных областях науки было очень скоро признано и высоко оценено, а великие откровения их в сфере философии, миропознания отнюдь не сразу должным образом поняты. Сделанное Лаппо-Данилевским в области методики археографии и источниковедения было еще при жизни его воспринято как выдающееся достижение, а затем его учениками внедрено в сознание и последующих поколений, хотя и не всегда решались при этом называть его имя: ибо методические приемы и обоснования Лаппо-Данилевского оказались наиболее результативными и удобными в работах, имеющих прикладные цели (прежде всего, при описании и научной публикации рукописей – и периода феодализма, и новейшего времени).

Но, если философское наследие Вернадского теперь уже относят к вершинным достижениям мысли, опираются на него в суждениях и о современности, и о будущем, то наследие Лаппо-Данилевского ожидает по существу только еще первичного освоения и сравнительно широким кругом ученых, и научной молодежью. И потому следует всячески поддержать замысел профессора О.М. Медушевской, намеренной со своими сотрудниками и учениками подготовить новое, с использованием и архивных материалов, академического типа издание "Методологии истории", и близких к этой книге других сочинений Лаппо-Данилевского. Убежден в том, что и Лаппо-Данилевского станут называть в ряду наших великих российских философов начала века, тем более, что для него существеннейшим был религиозно-этический момент, и российские история и духовность воспринимались как часть всемирного бытия.

Сделанное Лаппо-Данилевским в историко-философском плане, в области

⁷ Ср. с данными, приведенными в статье академика А.Л. Яншина "Публицистика В.И. Вернадского" (ВРАН 1995. № 11. С. 1008–1011).

методологии как бы заслонило значение его конкретно-исторических исследований, всегда новаторских и по тематике, и по источниковой базе, и по выводам. Не усмотрели и новаторства историко-социологического (в 1890 г. – ранее трудов немецких ученых) – акцентирование интереса на "функционировании установившейся системы" (в конкретном случае – организации налогового обложения). Монографии Лаппо-Данилевского по истории России XVII–XVIII вв. сразу обратили на себя внимание и историков-профессионалов, обеспечив ему столь раннее избрание академиком, и тех, кто серьезно изучал прошлое в поисках путей преобразования настоящего (известно, к примеру, об интересе к книге "Организация прямого обложения в Московском государстве" виднейшего марксиста 1890-х годов Н.Е. Федосеева). Но сочинения эти казались слишком "основательными" по исполнению и специальными по тематике, чтобы привлечь так называемую широкую публику (подобно книгам и статьям В.О. Ключевского, П.Н. Милокова, С.Ф. Платонова); лекционный курс по отечественной истории широко не тиражировался, сборники статей ученого не были подготовлены им к печати. И едва ли не потому в историографических "обзорах", обязательных для обобщающего и учебного типа трудов о важнейших явлениях отечественной истории, почти никогда рядом с суждениями других видных историков не приводятся мнения Лаппо-Данилевского – в этом нетрудно убедиться, обратившись к указателям имен в таких изданиях. После статьи А.Е. Преснякова в сборнике 1920 г. памяти ученого "Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории" кажется по этой тематике так ничего и не напечатано.

Наконец, стали уже обращаться к наследию Лаппо-Данилевского в тех областях науки, которые можно назвать "источниковедением историографии" и "историографией историографии" (т.е. историей изучения самой науки историографии). Здесь прежде всего необходимо с признательностью назвать книгу Р.А. Киреевой "Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г." (М., 1983). Однако, преимущественное внимание исследовательница обратила на труды более или менее широкой историографической проблематики. Между тем у Лаппо-Данилевского много написано и опубликовано чрезвычайно важного в плане собственно источниковедения историографии. И.М. Гревс заметил, что и "многочисленные характеристики выдающихся деятелей исторической науки и соседних наук, русских и иностранных" (представления в Академию кандидатов в академики и члены-корреспонденты, "некрологические заметки") – "очень важный источник ознакомления с идеями и мышлением" Лаппо-Данилевского⁸. Эти труды ученого кажется еще не рассматривались в своей совокупности и как памятник общественного сознания его эпохи.

Больше всего отмечалось сделанное ученым в области источниковедения – и прежде всего дипломатики (в трудах С.М. Каштанова и других историков Москвы и Ленинграда) и археологии. Особенно явственно обнаруживается обращение к наследию Лаппо-Данилевского на протяжении всей долгой творческой жизни его ученика С.Н. Валка: ссылки на "Методологию истории" в его трудах об источниках и периода средневековья и нового времени. Это не только рецензии на труды Лаппо-Данилевского (краткая 1920 г. и исследовательского стиля 1922 г. на книгу Лаппо-Данилевского "Очерки русской дипломатики частных актов"; исследовательского же типа "историографические заметки" о "Сборнике грамот Коллегии экономии" 1924 и др.), но и постоянное просвещение, воспитание историков (и специально историков-архивистов) мыслями Лаппо-Данилевского. Так, характеризуя в 1922 г. мемуары революционеро-народников, и указывая на то, что "критика мемуарных показаний тождественна

⁸ РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 79.

критике свидетельских показаний вообще", Валк замечает: "эти принципы получили освещение в литературе и здесь именно русская литература может гордиться, ибо ни немецкая, ни французская не обладают таким обстоятельным, систематическим и тонким их изложением, какое дано" Лаппо-Данилевским⁹. И в приемах своей работы – и теоретической и практической – по подготовке изданий "Декретов Советской власти" и сочинений В.И. Ленина, а затем и сочинений М.М. Сперанского, т.е. памятников XIX–XX вв. Валк опирался прежде всего также на авторитетные для него суждения Лаппо-Данилевского. Формулировки и наблюдения своего Учителя Валк имел в виду и в последних теоретико-методических статьях, напечатанных в "Археографических ежегодниках". Он считал своим долгом ученика написать специальный труд о Лаппо-Данилевском – археографе (и по его просьбе выявлялись документы такой тематики в РГАДА), однако труд остался незавершенным. Характеристика этой работы дана в статье А.И. Копанева "Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка", напечатанной в 1978 г.¹⁰ В последующее время немало сделано в этом плане С.В. Чирковым.

Полезно было бы подготовить обобщающего характера труд (быть может даже коллективный) о Лаппо-Данилевском как археографе и архивисте и о взаимосвязи в его творчестве такой проблематики с источниковедением и историографией. В подобной направленности книги о Лаппо-Данилевском желательно было бы охарактеризовать и его личную исследовательскую работу как изыскателя, публикатора, комментатора документов и создателя методики их изучения и издания, и его научно-организаторскую деятельность как инициатора и руководителя подготовки изданий и актов, и памятников законодательства, и сочинений М.М. Сперанского, и его руководящую роль в формировании школы археографов-источниковедов, и его усилия повысить уровень научной работы губернских ученых архивных комиссий и Русского исторического общества, и значение его авторитета и инициативы в организации Союза российских архивных деятелей и в определении направлений и конкретных задач его работы.

Ныне заметно все более углубленное изучение творческого наследия и знаменитых современников Лаппо-Данилевского, исследовавших прошлое России и других стран: переиздаются их труды, публикуются книги и статьи об их жизни и творчестве. И становится все очевиднее несостоятельность утверждений об упадке российской исторической науки в предреволюционные десятилетия; а также тенденциозно-одностороннего истолкования именно в этом духе понятия "кризис исторической науки". Возражения против подобных суждений вызывали прежде протест и на заседаниях Научного совета по истории исторической науки при обсуждении третьего тома "Очерков по истории исторической науки" и на кафедре Московского университета. Теперь же и в институтах Академии наук, и в Московском университете, в работах подобной тематики обнаруживаем совсем иной спектр оценок. Так не пора ли пойти еще дальше. В наши дни закрепляются в сознании (даже в учебных пособиях для средней школы) представления о некоторых явлениях российской культуры тех лет как о факторах всемирно-исторического значения (поэзия серебряного века, нравственно-религиозные сочинения философов и политологов, новаторство в театре, музыке, живописи). Убежден в том, что имеются основания распространить подобные оценки и на труды выдающихся российских ученых, гуманитариев – историков и филологов. Так, видимо, оценивали деятельность и творческий потенциал наших соотечественников и зарубежные историки,

⁹ Валк С.Н. Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 22–23.

¹⁰ ВИД. Л., 1978. Вып. IX.

планируя созыв очередного Всемирного конгресса историков в России в 1918 г.

Наконец, открылась возможность в полный голос говорить и об общественно-политической деятельности ученого. Это существенно не только для познания биографии Лаппо-Данилевского, но и общественных настроений близких ему по взглядам и ожиданиям кругов интеллигенции, прежде всего либеральной профессуры кадетского толка. Политические взгляды Лаппо-Данилевского были далеки от воззрений социалистов, и среди академиков он выделялся особой активностью в конце 1917 г., отстаивая право независимости Академии наук от советской власти. А переживания, вызванные событиями первых послереволюционных лет, ускорили его кончину. Это сказал даже осторожный в выражениях неперемный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, закончив статью памяти своего друга словами: "...уверен, что и те, кто теперь сомневаются, поймут, наконец, какой великий искус выдерживали и выдерживают русская наука и русский ученый, поймут и научатся уважать и ценить их, и не будет тех ненужных, бессмысленных жертв темноты и невежества, жертв лучшими жизнями страны, тех жертв, одною из которых явился ты"¹¹. А многолетний ближайший друг обоих – и Лаппо-Данилевского и Ольденбурга – со студенческих лет И.М. Гревс писал еще откровеннее. Отмечая активность Лаппо-Данилевского в 1917 г., когда тот поддерживал опыт Временного правительства и "ему хотелось... спасти родину и честь, сохранить культуру, организуя свободу", он противопоставляет этому происходившее в последующее время "в жизни русской земли", погрузившее Лаппо-Данилевского в "жестокую муку": "Может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная, явилась протестом против совершавшегося, развивавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, кровопролития..."¹²

Очевидно, что воздействие самой Личности Лаппо-Данилевского на тех, перед кем он раскрывал себя, было столь необычно и велико, что они сочли важным и сказать, и написать об этом. В 1920 г. вышел в свет сборник "Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского" – книга шестая "Русского исторического журнала"; появились статьи в периодических изданиях, и уже в 1922 г. небольшая книга А.Е. Преснякова в "Биографической библиотеке" петроградского издательства "Колосс".

Известны вышедшие в канун революционных событий сборники статей памяти выдающихся старших современников ученого – академиков В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского. Там преобладают – и в статьях и даже в воспоминаниях – характеристики научного значения содеянного покойным в исследовании тех или иных проблем, лекторского мастерства, внешних моментов биографии, сторон публичной деятельности. В сборнике же памяти Лаппо-Данилевского, помимо этого, явно обнаруживается стремление попытаться отобразить мысль ученого в развитии, во взаимосвязи с окружающим его миром идей и людей, и – главное – воздействие ученого на душу знавших его, влияние общения с ним на формирование образа мысли, даже образа жизни самого писавшего. В какой-то мере такой уклон обнаруживается лишь в сборнике, вышедшем одновременно¹³ и посвященном памяти Алексея Александровича Шахматова – тоже академика и тоже профессора Петербургского университета, и также скончавшегося в значительной мере от обрушившихся и на него и на Россию испытаний. Эти два великих имени символизировали тогда представление о высочайшем профессионализме, о "высоком" образе ученого и человека, о высоком нравственном начале в ученом, когда он учил других примером своей жизни, своей мысли, своих действий, своего отношения к людям. (Если придавать слову "высокий" тот особый

¹¹ РИЖ. Кн. 6. С. 180.

¹² Там же. С. 81.

¹³ ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV.

смысл, который вкладывали в него еще в первой половине XIX в. Пушкин и лица круга декабристов: это слова оценок и характеристик ими таких светлых личностей как Карамзин и Жуковский). И.М. Гревс нашел слова выражающие такое восприятие Лаппо-Данилевского современниками: "...потоки света сосредоточенно и напряженно пылали в нем и струились от него в различные стороны, жилили его, жилили его дело, жилили учреждения, других людей, целые их группы..."¹⁴

Воистину определяющим становилось духовное воздействие Лаппо-Данилевского на учеников – и старшего поколения (это явственно выражено в написанном А.Е. Пресняковым) и следующего за ним (особенно впечатляюще в этом плане воспоминания С.Н. Валка и Б.А. Романова). Молодежь, видимо, особенно поражало то, что ученый такой эрудиции и напряженных постоянных размышлений, и человек такого общественного положения и подчеркнутой внешней сдержанности, с таким неподдельно заинтересованным вниманием, с такой "прямой расположенностью" (выражение Б.А. Романова)¹⁵, с такой открытостью души общался с научной молодежью, – он был и руководителем того знаменитого многолетнего семинария по дипломатике, который не покидали и после окончания университета и студенческого исторического кружка, и беседовал в дни журфиксов.

Для Валка Лаппо-Данилевский – как бы идеальное воплощение образа исследователя и учителя научной молодежи, человеческого в ученом (Портрет Лаппо-Данилевского неизменно видели над письменным столом ученика, рядом с портретами В.И. Семевского и А.Е. Преснякова). И потому, когда передо мной возникала печальная необходимость писать о самом Сигизмунде Натановиче, обдумывая Вступительное слово на заседании его памяти в начале 1976 г.¹⁶, обращался для характеристики ученика к его воспоминаниям об Учителе. А потом обнаружилось письмо – признание С.Н. Валка, переданное им в 1915 г. Лаппо-Данилевскому в связи с 25-летним юбилеем его преподавания в университете. Письмо из личного фонда академика напечатано в книге "Избранных трудов" С.Н. Валка. Там и о первом восприятии семинария (студентом третьего курса): "...на меня повеяло чем-то новым, сразу произведшим на меня необычное впечатление. Вместо рвущегося вперед порыва энтузиаста я здесь впервые увидел равнозначщее, по психологии своей глубоко отличное, однако, от него, методическое стремление к новым научным приобретениям". Это и последующие впечатления "вели... к вере, что научно работая, приобретаешь к чему-то самому великому в мире". А далее и об "исключительной роли" Лаппо-Данилевского в его жизни, "нравственном" влиянии и поддержке, о личном обаянии, воспитании учеников "для науки"¹⁷.

Тем самым печатные и архивные свидетельства и о самом Лаппо-Данилевском и о его взаимоотношениях с коллегами и учениками обретают значение важного источника при изучении и проблем "Учитель в вузе", становление и характерные черты "научных школ", и биографий других историков.

Этими замечаниями, конечно, не исчерпывается перечень возможных тем изысканий при обращении к материалам жизни и творчества Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. И, если совестливо и заинтересованно подойти к этому, то впереди радость длительной обогащающей душу и ум работы.

¹⁴ РИЖ. Кн. 6. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 187.

¹⁶ АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 289–296. Текст этот стал основой статьи "С.Н. Валк и развитие археографической культуры" в кн. С.Н. Валка "Избранные труды по археографии" (С. 335–345).

¹⁷ Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 323–325.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ

А.С. Лаппо-Данилевский – историк, социолог и мыслитель – одним из первых среди своих современников обратился к фундаментальной проблематике гуманитарных наук и посвятил ее исследованию всю свою научную, теоретическую и практическую деятельность. Он рассматривал проблему единства человеческой истории, ставил в центр ее исследования феномен человеческого общения и созидательного творчества и видел в исторических источниках реальную основу гуманитарного познания. Последующее развитие ведущих направлений гуманитарных наук новейшего времени, – в методологии истории, социологии, антропологии и этнометодологии, психологии и науке о языке, – выявило перспективность их консолидации в единую науку о человеке, но показало не менее масштабные, почти непреодолимые трудности социального познания. Рассмотрение системных представлений Лаппо-Данилевского в данной ретроперспективе позволяет дать его методологии истории новую интерпретацию.

Принципиальное значение для науки новейшего времени имело разграничение наук о природе и наук о культуре по объекту их исследования и методам познания, осуществленное в философской мысли конца XIX – начала XX в.¹ В свете последующего развития гуманитарных наук очевидно, каким мощным импульсом стала эта направленность на исследование специфики наук о культуре, осознание уникальности, специфичности и идиографичности объекта их исследования. Однако обозначенная неокантианством граница между науками о природе и культуре, постоянно углубляясь (в ходе развития экзистенциалистских течений и борьбы с позитивистскими трактовками знания о человеке) разделила и нечто фундаментально неразделимое: до сих пор, в частности, дает себя знать тот факт, что становление информационных наук сложилось прежде всего под знаком технологических приоритетов². С другой стороны, науки о культуре, отказавшись от упрощенных трактовок органицизма (в духе доктрины позднего О. Конта или бихевиоризма в духе учения о рефлексам И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, "законов подражания" Г. Тарда³) оказались перед необходимостью вновь открывать применимость системных подходов к анализу социальных взаимодействий и социального поведения.

Важно отметить, что теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского не содержала в своей основе неокантианского противопоставления наук по их методу. Для него идиографический и номотетический походы представляют разные по направленности аспекты исследования явлений природы и общества, синтез которых дает в результате более полный охват изучаемого явления. Ученый исходил из фундаментальной для него идеи мирового, – вселенского, космического целого, причем человечество (в единстве его эволюционного и коэксистенциального целого) есть лишь часть этого целого уникального и неповторимого единства. В этом смысле он и говорит об идиографическом подходе как методе, имеющем целью понять человеческую историю как особую часть мирового целого, в ее специфичности, особенности и уникальности⁴.

Специфичность мира культуры и трудности его постижения стали цент-

¹ *Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg, 1904; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.*

² *Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.*

³ *Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.*

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. С. 332.*

ральной проблемой мировой гуманиитаристики новейшего времени. Были очерчены реальные, объективно существующие трудности социального познания. Прежде всего – как познать человека, внутренний мир которого в принципе закрыт для наблюдения извне, и, в то же время, не может быть полностью понят и через личный опыт исследователя? "Возможность постигнуть Другого – одна из самых глубоких теоретико-познавательных проблем. Как может индивидуальность сделать предметом общезначимого объективного познания чувственно данное обнаружение чужой индивидуальной жизни", – так формулировал эту проблему создатель "понимающей психологии" В. Дильтей⁵. И далее: как возможно изучать "целостного", "тотального" человека в единстве его социальных, психических, биологических свойств (В. Мосс)⁶, если все они составляют неразделимую целостность? Как воспринять его реальный, данный в ощущениях жизненный мир, опыт его повседневности? И если в науках о культуре, в отличие от наук о природе, объект и субъект познания не противостоят друг другу, но практически почти неразделимы, если науки о культуре требуют не просто объяснения (как природа), а понимания, то как возможно считать их науками? Могут ли они, вместе с философией, быть строгими науками, о чем мечтал Э. Гуссерль и его русские единомышленники?

Строгость и точность "Методологии истории" Лаппо-Данилевского, логика его определений и выводов вполне соответствует тому образу строгой гуманитарной подлинной науки, о которой пишет Э. Гуссерль: "Глубокомыслие есть знак хаоса, который подлинная наука стремится превратить в космос, – в простой, безусловно ясный порядок. Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения. Каждая часть готовой науки есть некоторая целостная связь умственных поступков, из которых каждый непосредственно ясен и совсем не глубокомыслен. Глубокомыслие есть дело мудрости. Отвлеченная понятность и ясность есть дело строгой теории"⁷.

К решению проблем научного познания мира культуры гуманитарные науки XX в. шли разными путями. Новые школы и направления возникли в области методологии истории, социальной и культурной антропологии, социологии и этнометодологии, психологии, науке о языке, и в каждом из них высказывались свои суждения о судьбах и перспективах гуманиитаристики, ее философских и методологических основаниях. В 20–30-е годы главным препятствием на пути создания единого знания представлялась позитивистская традиция, в рамках которой эмпирическое и теоретическое исследование, анализ и синтез в изучении явлений культуры резко разделены и противостоят друг другу. Эти установки поддерживали изолированность научных направлений, разобщенность ученых. Как отмечал Л.П. Карсавин в своей "Философии истории", написанной на основании первых впечатлений работы на Западе, он встретил неприемлемые для него "нравы ученых", которые "характеризуются крайней специализацией, то есть распадом целостного знания на самодовлеющие дисциплины, утрату идеи человечества"⁸. «Палеограф с презрением смотрит на историков, не знакомых с тайнами его специальности: рано заниматься обобщениями – надо сперва собрать и "тщательно" издать весь материал. Точно возможно беспринципное собирание материала. Всякая попытка синтетического построения исторического процесса вызывает подозрительные сомнения. Против нее возражают: "нельзя быть специалистом во всех областях. Синтез – дело популяризатора. В чем же тогда дело историка"». Вся теория истории Карсавина

⁵ Dilthey W. Gesammelte Schriften. Leipzig; Berlin, 1924. S. 333 / Пер. П.П. Гайденко // Современная западная социология: Словарь. М., 1990.

⁶ Mauss M. Ouvres. P., 1968. T. 1.

⁷ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. // Логос. СПб., 1911. Кн. 1. С. 54.

⁸ Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923. С. 228.

интересна прежде всего как отражение восприятия им позитивистской ментальности, с которой он встретился и которая столь им отличалась от целостного подхода к истории человечества русской методологической школы.

Несколько позднее сражения за новый подход к историческому исследованию развернули Л. Февр, М. Блок, Р.Дж. Коллингвуд⁹. Выдающуюся роль в формировании целостного подхода к истории на Западе сыграла, как известно, школа Анналов. Ведущей идеей "Новой исторической науки" 20–60-х годов во французской историографической традиции, при всем многообразии связанных с ней течений, является концепция "глобальной истории", стремление охватить все стороны жизни человека и общества¹⁰.

Со второй половины XX в. идея единого знания о человеке, об интеграции гуманитарных наук стала ведущей. Началось конкретное движение, взаимодействие научных направлений, сопоставление полученных результатов. И именно теперь, по мере преодоления внешних, субъективных преград интеграции наук, и когда создание общей Науки о человеке стало основной целью, – на первый план вновь, как и в начале XX в., выдвинулись глубинные теоретико-познавательные трудности познания культуры. Первая из них – проблема применения сравнительного метода в гуманитарных исследованиях. Область его применения ограничена, и при более широком использовании возникают вопросы о правомерности его применения, о сопоставимости объектов, доказательности. Вторая проблема – сам ход интеграционных процессов в гуманитаристике. Примеров применения методов разных наук к одному объекту (что только и дает новое качество его изучения) весьма немного. Проблема в том, – что может служить подобным объектом, доступным научно-критическому наблюдению? Третья проблема – соотношение конкретного эмпирического исследования и целостного синтеза в гуманитаристике. Иначе говоря – как взаимосвязаны между собой эмпирическое исследование и теория, обогащают ли они друг друга, возникает ли при этом взаимодействии новое знание.

Смысл данной статьи состоит в том, чтобы показать, что методология истории Лаппо-Данилевского наметила фундаментальное направление, в котором эти трудные вопросы гуманитаристики находят результативное решение. Но прежде рассмотрим несколько подробнее суть дела. Как, в частности, рассматривают перспективы решения названных здесь проблем современные ученые. Отметим сразу, что в настоящее время интерес к теоретико-познавательным проблемам гуманитарного познания, интеграции наук постоянно возрастает. В частности таково взаимодействие исторической науки и социологии.

Когда в 60-х годах обозначился явный интерес историков и социологов к взаимному сближению, то казалось, что эти две науки разделяют скорее внешние границы – обсуждались, например, хронологические грани прошлого и современности, различие общих ситуаций с источниками и возможности их научной критики, перспективы количественных методов. Однако по мере развития интеграционных процессов все яснее вырисовываются трудности поиска общих методологий, фундаментальных оснований, позволяющих получать сопоставимые, дополняющие результаты исследования прошлого и современности¹¹. Журнал "Анналы" – признанный флагман междисциплинарных походов в гуманитаристике, пропагандировавший и реализующий эту задачу со времени Л. Февра и М. Блока, теперь (в 1994 г.) изменил свой подзаголовок. Он гласит: "История и социальные науки", с новой силой подчеркивая устремленность к взаимодействию наук о человеке.

⁹ Февр Л. Бои за историю. М., 1990; Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

¹⁰ Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня французской "Новой исторической науки" // ВИ. 1984. № 8.

¹¹ Raisonement et démarches de l'historien // Revue de l'Institut de sociologie. Bruxelles, 1963. № 4.

В вводной статье, объясняя это изменение, редакция журнала выдвигает два основных аспекта: первый – ориентация на исследование современности: взгляд экономиста, социолога или антрополога, с одной стороны, и историка с другой, – позволит дать более точную и полную интерпретацию социальных проблем. Другой, – тесно связанный с первым, аспект методологический: как формировать качественно новый метод познания, достигнуть синтеза во взаимодействии рефлексии и эмпирии, концептуально объединять эмпирический и теоретический аспекты исследования¹²? Ведущий международный журнал гуманитариев видит свою задачу в расширении диалога, сопоставлении точек зрения. Однако очевидна и главная трудность: как может взаимодействовать историческая наука, не теряя своей идентичности, своего своеобразного видения объекта, специфики своей методологии, взаимодействуя с дисциплинами, которые в отличие от нее, "не конструируют свой объект или его образ"?

В настоящее время гуманитарные науки достаточно ясно определили общность своей цели – изучение человека в его взаимодействии с обществом, природой, другим человеком. Преодолевается отчуждение разных областей знания, обозначилось и реализуется повсеместно стремление к диалогу, возникают все новые междисциплинарные проекты и направления совместных исследований. По мере их развития все более ясным становится и тот факт, что объединение, складывание знаний о человеке, накопленных каждым из направлений в отдельности, не создает нового качества. Для формирования единого знания о человеке недостаточно ни общей цели, ни складывания результатов, ни диалога о намерениях. Суть проблемы – в исследовании фундаментальных оснований единого знания о человеке.

Поиск этих фундаментальных оснований в XX в. стал главной темой современной методологии истории, социологии, антропологии, психоанализа и науки о языке. Наука вообще, как таковая, немыслима без четкого представления о своем реально существующем, доступном критическому наблюдению, объекте. Поэтому вновь и вновь возникает тот фундаментальный дильтеевский вопрос, который и обозначил новый этап развития гуманитаристики конца XIX – начала XX в. – "каким образом жизнь, выражая себя, может объективироваться? каким образом она, объективируясь, выявляет значения, поддающиеся обнаружению и пониманию другим историческим существом, преодолевающим свою собственную историческую ситуацию?"¹³. В методологии истории Лаппо-Данилевского сформулирован ответ на этот вопрос, тем она и важна для современной гуманитаристики. Интересно, однако, прежде всего рассмотреть, какой ответ на этот фундаментальный вопрос дало развитие других направлений гуманитарных наук нашего времени. В их методологических поисках и свершениях при всем разнообразии и богатстве, попытаемся увидеть существенно общее и на наш взгляд, главное: какой же реальный объект подвергается наблюдению и интерпретации?

Поскольку гуманитарные науки изучают не изолированного индивида, а процессы взаимодействия людей, то в лучшем положении, по-видимому, оказывается социология. Она ориентирована на исследование современных явлений, и потому может изучать взаимодействия людей, происходящие непосредственно в присутствии наблюдателя. Это определяет особый интерес социологии к методам всякого рода диалогов, интервьюирования, опросов, а с возникновением устной истории – к синхронной фиксации процесса человеческого общения.

Современники Лаппо-Данилевского – американские социологи Ч.Х. Кули (1864–1929), У.А. Томас (1863–1947), Д.Г. Мид (1863–1931) поставили в центр

¹² Annales: Histoire, sciences sociales. Janvier – fevr. 1994. P. 4.

¹³ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 6.

своих исследований социального индивида, который формируется и действует в условиях межиндивидуальных взаимодействий. Автор теории "зеркального я" Кули рассматривает общество, социальные группы и индивида как некое единство взаимодействий, в процессе которого индивид усваивает представления о себе, возникающие у других, и формирует свои представления о ситуации¹⁴. Эти представления и выступают как значимые социальные факты. Социальное поведение рассматривает с точки зрения ситуативного подхода Томас. Важно отметить, что Томас придавал особое значение использованию документальных источников. Это хорошо прослеживается в написанном им совместно с Ф. Знанецким исследовании "Польский крестьянин в Европе и Америке"¹⁵, где используются личные документы – письма, биографии, дневники и воспоминания как источники, дающие возможность зафиксировать субъективные установки индивида и дать их объективную интерпретацию исследователем. Применение биографического подхода в социологии отражало не утраченный еще интерес к формированию человеческой личности. Однако он все более вытесняется обобщенным типологическим подходом.

Феномен межиндивидуального взаимодействия, обобщения, передачи сообщения рассматривается с начала XX в. по ряду направлений гуманитарных наук. П.А. Сорокин в своей "Системе социологии" пишет, что "социология изучает явления взаимодействия индивидов друг с другом и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия"¹⁶. В свою очередь, взаимодействия людей реализуются в их поведении, они выражаются во внешних проявлениях, "доступных наблюдению и констатированию". Сорокин стремится "свести до минимума" психологическую интерпретацию, сосредоточивая внимание на изучении "внешних, доступных наблюдению фактов и процессов".

Вполне разумная установка на изучение реальных объектов, относительно легко реализуемая в естественно-научном познании, в науках о человеке при каждой попытке ее осуществить выявляет все более и более сложную природу этих объектов. Сорокин попытался провести естественно-научную, бихевиористскую трактовку. "Явление взаимодействия состоит из трех элементов, – пишет он, – индивидов, их актов (акта взаимодействия) и проводников". Его особенно привлекает феномен проводников, в виду их наблюдаемости, реальности. Проводники для передачи сообщения он называет – звуковые, световые, механические, тепловые, электромеханические, вещественные, знаковые (гербы, татуировка) и, наконец, письменные. Выступают в качестве проводников и люди – "как контактные звенья цепи проводников"¹⁷. Саму триаду феномена взаимодействия можно будет позднее встретить у Н. Винера в его концепции связи и управления. Но для интерпретации феномена человеческих взаимодействий метод исследования внешних признаков проведения был, конечно, недостаточным. На увлечение идеями бихевиоризма и его малоперспективность в социологии указывали молодому Сорокину и историк Н.М. Кареев, и философ И.И. Лапшин, и социолог К.М. Тахтарев¹⁸.

Поставив в центр внимания феномен межиндивидуальной коммуникации, социология (а точнее – междисциплинарные направления, использующие методы этнометодологии, психоанализа, науки о языке) получила, казалось бы, реальный и наблюдаемый непосредственно объект исследования (о котором мечтал Сорокин). Огромный импульс данным направлениям исследований дала культурная антропология и этнология, ориентированные на изучение перво-

¹⁴ Cooley C. Human nature and the social order. N.-Y., 1902; Mead J.H. Mind self and society. Chicago, 1934.

¹⁵ Thomas W., Znaniecki F. The polish peasant in Europe and America. Chicago, 1918–1920.

¹⁶ Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1. Социальная аналитика. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 142.

¹⁸ Диспут профессора Сорокина (1922 г.) // Сорокин П.А. Дальняя дорога. М., 1992. С. 248–253.

бытных форм человеческого мышления, образа жизни и социальной организации. По мере углубления в существо проблемы, выявились как новые возможности познания человека, так и почти непреодолимые трудности исследования процессов общения. Одна группа проблем связана с интерпретацией процесса общения – на уровне вербальном и невербальном, на уровне понимания, расшифровки смыслов, совпадения и несовпадения способов мышления и картины мира общающихся, осмысления ситуаций взаимодействия их участниками (символический интеракционизм). Другая – с изучением структуры мышления, картины жизненного мира, повседневного человеческого опыта индивида. В интеракциональном мире, – пишет философ и социолог А. Шюц, – а мир именно таков, представления индивидов изначально интерсоциализированы. В представлениях индивидов и их общении имеет место взаимность перспектив (то, что означает объект для одного, не означает того же для другого); относительность совпадения системы релевантностей (совпадающее представление об объекте); различие способов обращения с вещами и людьми, привычек и нравов; социальное происхождение знания (язык вещей, имен и событий); социальное распределение знания (объем знаний "другого"); различная структура социального мира, его типизация в конструктах повседневного мышления типа "я-мы-вы-они"¹⁹.

Для социологии новейшего времени, когда массовое, обыденное сознание стало играть столь существенную роль в развитии социальных конфликтов эпохи, вполне объясним интерес социологов к типизации и моделированию (типы личности, модели действия и социального взаимодействия, соотношение действия, проекта, мотива, использование набора повседневных конструктов в социальном взаимодействии и т.д.). Данное направление, разработанное в классических трудах Г. Гурвича, Ч. Кули, Д. Мида, создание "Общей теории действия" Т. Парсонса опирается на исходные понятия "деятели", "ситуации", "ориентации деятеля на ситуацию", исходит из представления о субъекте, ставящем перед собой цель и стремящегося к ее осуществлению, разрабатывает формализованные модели системы действий.

Нельзя, однако, не заметить, что данный подход не рассматривает фундаментальную, на наш взгляд, черту человеческой личности – ее способность к творческой деятельности. В анализе структуры повседневного мышления А. Шюц обращается к проблеме человеческой деятельности, но главным образом, тогда и только тогда, когда он рассматривает проблему восприятия человеком "мира объектов с определенными качествами". Он правильно констатирует, что "объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т.п. – самым смыслом своим указывают на деятельность человеческих субъектов... Я не могу, – продолжает ученый, – понять объект культуры, не соотнося его с деятельностью, благодаря которой он возник"²⁰. Развивая эту мысль, Шюц пишет, что данное положение "основа постулата субъективной интерпретации в социальных науках" (если инструмент, то "для чего", если знак, символ, институт, – то "что он означает").

Но речь идет, как видим, только о том, чтобы воспринять мир объектов культуры со стороны познающего субъекта. Такой способ восприятия придает миру вещей некую самодовлеющую власть, значимость. Это заметил еще Э. Дюркгейм. Вещи, писал Дюркгейм, – созданные человеком, – не абсолютно покорны нашим целям, "но имеют свою логику развития". "Социальная жизнь, которая таким образом кристаллизуется и отвердевает на материальных под-

¹⁹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исследования. 1988. № 2. С. 130.

²⁰ Там же.

порах, тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне"²¹. Этот странный мир, где человеческая деятельность рассматривается вне связи с тем, что она создает, вряд ли может рассказать нам о человеке – творце, и, следовательно, личность творческая, во всем ее отличии от других, остается вне досягаемости научного подхода. "Нам не удается схватить индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации", – отмечает исследователь типологии повседневного мышления А. Шюц. Современная социология не ограничивается исследованием только тех личных (и коллективных) субъектов, которые приспособляются к существующим структурам, но все более обращается к проблеме исследования "деятельного субъекта". Возможно, что в данной связи будут пересматриваться и методы исследования социальной реальности. Конечно, главным звеном для изучения творческой личности является процесс социального взаимодействия. Но социальное взаимодействие и процесс общения, коммуникации, диалога не одно и то же. Творческая личность проявляется в процессе творчества, там и следует искать ее следы.

Если трудно изучать жизненный мир людей настоящего, то еще труднее восстанавливать реальность прошлого, от которого сохранились лишь разрозненные, утратившие былые взаимосвязи следы в виде письменных или вещественных остатков. То направление методологии истории, которое связано с именами Л. Февра и М. Блока – школа "Анналов" нашло свой путь преодоления трудностей исторического познания. Начав с активного критического пересмотра позитивистских представлений о методах исторического исследования, ученые поставили в центр внимания иррациональные связи субъекта и объекта познания. «"Анналы" перевернули историографию сочетанием трех основных идей: критикой отношения между историком, историческим памятником и фактом истории»²², – отмечает Ж. Ле Гофф.

Активную роль историка в процессе познания подчеркивал Р. Коллингвуд, саркастически осудив компилятивный метод написания "истории ножиц и клея"²³, – сам ученый, и только он, по мнению Коллингвуда, – ставит проблему, определяет пути ее исследования, воссоздает образ прошлого в своем творческом сознании. Возникает вопрос – как при подобном походе разграничить рациональные и интуитивные подходы в историческом познании. Поставив на первый план интуицию историка, его способность к сопереживанию жизненного мира прошлого, А.И. Марру²⁴ затем, в ходе дискуссии с сторонниками рационального подхода к ремеслу историка, выдвигает более взвешенный подход, говоря о синтезе интуиции и методов исторической критики в исследовательском методе историка. В ходе этих дискуссий проблемы исторического источника как основы социального познания, оказались совершенно отодвинутыми на периферию сознания историков. Большое значение имела поэтому инициатива Шарля Самарана, последователя позитивистского подхода к документу, представителя школы Хартий, возглавившего коллектив крупнейших ученых Франции в деле создания энциклопедического обобщающего издания "История и ее методы"²⁵. Лишь относительно недавно Ж. Дюби в работе о развитии исторической мысли во Франции отметил признаки "изменения отношения к тому, что мы называем источником". "У историков появилось стремление, – пишет он, – видеть в документе, в свидетельстве, т.е., в тексте, – самостоятельную научную ценность", появилось понимание того, что "единст-

²¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1912. С. 426.

²² Ле Гофф Ж. Интервью с Жаком Ле Гоффом // Мировое древо. М., 1993. С. 159.

²³ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография.

²⁴ Marrou A.I. De la connaissance historique. P., 1959.

²⁵ Histoire et ses méthodes. P., 1961.

венно доступная им реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого"²⁶.

То "непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки"²⁷ не могли снять пришедшие на смену позитивизму интуитивистские трактовки отношения историка и источника. Новые и реальные надежды на возвращение в ранг строгих наук в значительной мере связывались с структурализмом. Независимые от сознания исследователя устойчивые структуры стали широко изучаться в психоанализе (коллективное бессознательное), в этнологии (системы родства, мифы, верования, их сравнительный анализ), и особенно в языке, давая основу для ряда междисциплинарных подходов, и пересекая, по выражению М. Фуко, все поле знания.

Сложную картину находящегося в движении гуманитарного познания дал в своей знаменитой работе "Слова и вещи" М. Фуко. "Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится и говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, языка. И, наоборот, поскольку человеческое существо становится насквозь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движения Истории"²⁸. Но достижение некоторой позитивности на этом пути оборачивается крупными новыми проблемами. Подчеркивая, что психоанализ и этнология "лучше уловили собственную позитивность и, наконец, осуществили прежнюю установку на достижение подлинной научности" благодаря специфике своих объектов, Фуко совершенно точно определил и эту проблему. "Что Леви-Строс сказал об этнологии, – продолжает Фуко, – то можно сказать и о психоанализе: обе науки растворяют человека"²⁹. По сути, та же проблема, только другими словами, формулируется им же, когда он говорит о языке: образ человека растворяется и исчезает в его видении науки будущего.

Как справедливо отметил в свое время Лаппо-Данилевский, деятельность ученого следует оценивать не по результатам, а по задачам, которые он перед собой ставил. Этот подход применим и к науке в целом. Обратившись к интерпретации тех тенденций, которые характеризуют современную гуманитаристику, попытаемся понять, какие задачи она перед собой ставит, и, соответственно, какие способы предлагает для их решения. Гуманитаристика стремится быть позитивной, строго научной, чтобы возможно было применять логические методы исследования, сопоставлять результаты, и, в частности, обоснованно и доказательно применять сравнительный метод. Она стремится понять феномен человека во всей многозначности его взаимодействий с природой, обществом и человеком, т.е. выполнить, казалось бы, невозможное – превратить "танец смыслов и конфликт интерпретаций" в ограниченный временем и пространством объект критического наблюдения. И, наконец, гуманитаристика мечтает – изучая физические, биологические, психологические, социальные и иррациональные свойства объекта, понять его суть, которая никогда не бывает простой суммой его частей.

В современной гуманитаристике преобладают два подхода к решению этих задач. Как мы видели, первый из них – развитие междисциплинарных диалогов ученых, – представителей разных наук; второй – познание как интерпретация объекта познающим субъектом. Оба подхода несомненно – пути открытий и

²⁶ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. М., 1991. С. 58.

²⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

²⁸ Там же. С. 392.

²⁹ Там же. С. 397.

достижений в науке о человеке. Но в данной статье важно подчеркнуть, что существует и еще один, принципиально иной, заслуживающий внимания подход к решению современных проблем гуманитаристики – концепция Лаппо-Данилевского. Его оригинальность проявляется в главном, – в том, как определяется объект гуманитарного познания. Человек не только живет, мыслит, трудится, говорит. Для концепции Лаппо-Данилевского, по существу, главное – человек создает, он объективизирует себя в произведении, он общается с помощью произведений, и именно произведения и становятся источником его познания.

А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) – русский историк, социолог и социальный мыслитель, автор обобщающего труда "Методология истории", значительного числа трудов по проблемам государства и общества, права, истории науки и культуры. С 1899 г. ученый стал действительным членом императорской Академии наук и в этом качестве – руководителем ряда крупных исследовательских программ, в том числе на международном уровне. Он был членом Международного социологического института, членом Международной Ассоциации Академий и секретарем съезда ее представителей в Петербурге в 1913 г. В качестве почетного председателя, докладчика и вице-председателя он участвовал во всех международных конгрессах историков, проходивших до первой мировой войны. В качестве председателя исполнительного комитета по решению Лондонского конгресса историков (где он выступал с предложением о проведении следующего конгресса в России) он начал подготовку к новому международному конгрессу, намеченному на 1918 г. в Петербурге³⁰. В 1916 г. он выступал в Англии по приглашению Кембриджского университета, и ему было присвоено звание почетного доктора прав. Ученый был одним из членов-учредителей Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, созданного в 1916 г. при активном участии П.А. Сорокина. Начиная с середины 90-х годов он читал в Петербургском университете лекционные курсы по методологии социального познания, теории социальных наук, методологии истории и методологии источниковедения.

В отличие от историков Петербургской школы, признанным лидером которой был С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский возглавлял другое научное направление, в центре интересов которого стояли проблемы социального познания, привлекавшие внимание философов, правоведов, филологов, экономистов, социологов и историков. И.М. Гревс, С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, А.А. Кауфман, философ И.И. Лапшин, М.А. Полиевктов, по свидетельству А.Е. Преснякова, стояли у истоков формирования этой научной школы, влияние которой постепенно распространялось на более молодых ученых – А.Е. Преснякова, Л.П. Карсавина, Т.И. Райнова, П.А. Сорокина и Н.Д. Кондратьева, участников методологического семинара С.Н. Валка, А.И. Андреева, Б.А. Романова, молодых филологов и философов Петербурга. "Кажется, – писал позднее философ Н.В. Болдырев, – никого нет среди философов молодых поколений Петербурга, кто не прошел бы его школу"³¹.

Пресняков свидетельствовал, что труды ученого "создали в Университете особую школу по философии общественных наук, значительную и влиятельную по ее воздействию на молодые поколения"³². Для выработки новой парадигмы гуманитарного познания принципиальное значение имел целостный подход ученого, составлявший неотъемлемую черту его мировоззрения и личности. "Свойственная А.С. Лаппо-Данилевскому глубокая цельность натуры, – писал

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Материалы для биографии. Л., 1929.

³¹ Мысль (Журнал Петербургского философского общества). 1922. № 1. С. 152.

³² Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 31.

А.Е. Пресняков, – служила естественной опорой цельности его мировоззрения, которую он стремился сознательно проработать и ею осветить цельное и продуманное представление о том, – что делает единым объектом изучения исторический прогресс – русский, прежде всего, – а дальше и шире – общечеловеческий”.

Отметим также, что целостное философское осмысление объекта науки сам Лаппо-Данилевский считал характерной чертой русской науки и русского ученого вообще. Выступая с докладом по истории русской науки в Англии, он аргументировал это утверждение ссылкой на труды Лобачевского и Чебышева, Менделеева и Павлова, Вл. и Ал. Ковалевских (биолога и зоолога), минералога Федорова, Мечникова, Гадолина, Вл. Соловьева, Серг. Трубецкого и представителей материалистического монизма³³.

В центре новой парадигмы гуманитарного познания Лаппо-Данилевского находится концепция методологии истории и методологии источниковедения. Эта концепция нашла свое конкретное выражение и развитие во всем объеме трудов ученого – его теоретических и конкретных исследований, академических научных программ, планов публикации источников и также планов реформы архивного дела в России.

Самодостаточность исторического источника, его значение как явления культуры, теоретически обоснованное в концепции ученого, определили его особое отношение к таким формам научной деятельности, как публикация источников, их ведение в научный оборот. Изучая постановку публикаторской работы в крупнейших научных центрах Запада, он посетил Австрийский институт исторических изысканий, Берлинскую и Мюнхенскую Археографические комиссии, Итальянский институт истории. Лаппо-Данилевский был ученым того редкого типа, который объединяет в цельности своего мировоззрения разнообразие форм практической деятельности, – обобщающий, исследовательский, научно-организационный и педагогический уровни. Историк, правовед, социолог, специалист в области археологии, искусства, архивного дела, он самостоятельно прошел университетский курс математики и широко применял математические методы в своих исследованиях. Он освоил и переосмыслил все наиболее значимые достижения философской и специальной научной мысли своего времени. В период становления как ученого заметное влияние на него оказали идеи позитивизма в социологии О. Конта. Лаппо-Данилевского увлекала идея превращения гуманитарного знания в строгую науку, обеспечения его доказательности и достоверности. В течение всей деятельности прослеживается влияние социологических и этических установок Н.К. Михайловского об активной роли личности и ее преобразующем, направленном воздействии на окружающую, в том числе и социальную среду. В период завершения главного методологического труда прослеживается сосредоточенность ученого на центральной проблеме – о специфике наук о культуре, специфике отношений субъекта и объекта в гуманитарном познании.

В последнем варианте своего методологического труда (1910–1913) Лаппо-Данилевский использует получившую к тому времени распространение терминологию, которую связывают обычно с неокантианским противопоставлением номотетического и идиографического методов исследования. Этот факт послужил впоследствии основанием для отнесения взглядов ученого к неокантианству, поскольку именно в трудах В. Виндельбанда и Г. Риккерта проводилось известное разделение наук о природе и наук о культуре по методу их познания. Важно отметить, что Лаппо-Данилевский отнюдь не разделял идею о противопоставлении наук о природе и наук о культуре по методу их исследования. Он

³³ Duff J.P. Russian Realities and Problems. L., 1917.

считал, что оба эти метода могут применяться к изучению любых объектов, и что в принципе наиболее результативен их синтез. "Одну и ту же вещь, – пишет он, – можно изучать с различных точек зрения: или поскольку в ней есть нечто общее с другими вещами, или поскольку она представляется нам частью целого и в таком смысле – единственной в своем роде и индивидуальной. В первом случае мы изучаем вещь с номотетической точки зрения, во втором – с идиографической"³⁴.

Оба метода, таким образом, имеют свои преимущества и недостатки, различен не объект, а способ его исследования. Говоря об идиографическом подходе, ученый подчеркивает такие существенные для него моменты, как возможность исследования целостного объекта, соотношения его частей, способа их взаимодействия с целым и между собой. Иначе говоря, его интересует возможность системного подхода к объекту гуманитарного исследования, который и характеризуется рассмотрением объекта как целостности, выявлением типов связей его элементов: вне целого его часть не может быть правильно понята и интерпретирована, – эту принципиальную идею системного подхода Лаппо-Данилевский неоднократно подчеркивает. Понимание изначального единства объекта – наук о природе и наук о культуре – выступает в методологии Лаппо-Данилевского как предпосылка единства познания вообще.

Объект гуманитарного познания для Лаппо-Данилевского – человечество, рассматриваемое как часть мирового (космического) целого, и в то же время как его особенная, уникальная – наделенная сознанием часть. Особое значение придается проблеме человеческой личности. Творческой личности отводится решающая роль в общественном прогрессе, данный подход выступает в то же время и как этическая установка.

Такой взгляд распространяется и на понимание роли и задач ученого, он диктует и особый тип поведения ученого, смысл его деятельности. С.Ф. Ольденбург сохранил в своих записках высказывание А.С. Лаппо-Данилевского о том, что характеризует личность именно русского ученого. "Для русского ученого не только нет жизни без науки, но нет и науки вне жизни, без жизни"³⁵. Творческая личность и связанное с этим другое понятие – человеческая деятельность составляет важнейшее ключевое звено методологии истории. Именно с данной точки зрения Лаппо-Данилевский подвергает резкой критике социологическую доктрину О. Конта³⁶. Показывая, что социологическая доктрина Конта не может быть основой научной социологии, он видит ее несостоятельность прежде всего в недооценке личности, игнорировании значения сознательной, разумной деятельности. Натуралистический контовский подход к обществу именно поэтому не создает перспектив научной интерпретации социальных взаимодействий индивидов – нельзя, как думал Конт, создать ни социальную физику, ни биологическую психологию. Представление о человечестве как целостности отнюдь не означает отрицания активной роли личности, ее деятельности, ее прав.

Работа о социологической доктрине Конта имеет в творчестве Лаппо-Данилевского важное значение, и это не была работа из истории социологии. Противоположные механистическим трактовкам человека как частицы абстрактной однородной массы ученый считал своей важной научной и этической задачей, он выступает против концепции социального развития, в которых человеческая личность "теряет всякое значение, выступает как средство достижения общей цели человечества". Напротив, для самого Лаппо-Данилевского,

³⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1.

³⁵ Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 179.

³⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины Конта. М., 1902.

человеческое сознание – высшая ценность. В "Методологии истории" подчеркивается, что человечество стало именно потому особой, качественно отличной частью мирового целого, что эта часть является "носителем сознания". С этим понятием для него связана и другая принципиальная идея его концепции – духовное общение, взаимодействие людей, в основе которого лежит принцип "признания чужой одушевленности", органической связи личности с мировым целым. "В первых редакциях курса методологии истории, – писал Пресняков, – он говорил о космическом смысле социального развития, о "реорганизации вселенной" как предельном моменте развития исторического процесса, реорганизации мирового целого воздействием на него "великой индивидуальности человечества"³⁷. Пресняков отмечает своеобразие и "неожиданно родственность" его идей идеям Н.Ф. Федорова, его философии истории.

Но вполне возможно и другое сближение – общность взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и В.И. Вернадского. Идея созидательной, активной человеческой личности, преобразующей окружающую ее среду, находит своеобразное развитие в парадигме Вернадского о разумной человеческой деятельности, преобразующей мировое целое. Объединяет взгляды обоих ученых их представление о связи науки и жизни, о необходимости ученому работать для культурного роста личности и народа, о чем неоднократно писал Вернадский. В данной связи философская парадигма Вернадского получает более полную интерпретацию. О научном общении Лаппо-Данилевского и Вернадского имеются прямые свидетельства, и оно несомненно было взаимообогащающим для обоих ученых, осознававших изначально единство наук о природе и наук о культуре³⁸. Один из наиболее глубоких интерпретаторов методологии Лаппо-Данилевского, И.М. Гревс писал, что его друг был "убежденным представителем такой концепции истории, которая творческую силу исторического процесса видит в человеческих сознаниях, и стало быть, активным носителем в нем движения определяет человеческую личность – индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе"³⁹.

Итак, в центре – взаимосвязь человечества и мирового целого, осознанное и целенаправленное взаимодействие. Поскольку человечество выделяет из мира природы его сознание, то все, созданное человечеством осознанно и целенаправленно, объединяется понятием культуры. Историк (в широком смысле) "рассуждает не о мире как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно той индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, – воздействующая, в качестве таковой, на мировое целое, и в зависимости от него действующая"⁴⁰. Таким образом, очерчивается, в качестве объекта гуманитарного познания, человечество – системный объект. Оно составляет, по Лаппо-Данилевскому, в свою очередь, целое – эволюционное целое (на протяжении своей эволюции) и – коэксистенциальное целое, части которого взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Изучение отдельного народа, страны, государства возможно, согласно его подходу, лишь как интерпретация взаимосвязи данного объекта с эволюционным и коэксистенциальным целым человечества. Ясно, что речь идет в данном контексте об истории в широком смысле, – о гуманитарном познании. Не случайно в своей методологии истории ученый говорит о подходе историка, психолога, социолога, а по существу – об их синтезе.

³⁷ Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. Кн. 6. С. 90.

³⁸ См. об этом: Илизаров С.С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993.

³⁹ Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // РИЖ. Кн. 6. С. 80–81.

⁴⁰ Там же.

Для Лаппо-Данилевского чрезвычайно важным является признание объективности гуманитарного познания, для него неприемлемо смешение, нераздельность объекта и субъекта познания, характерная для интуитивизма. Он специально останавливается на вопросе о неприемлемости интуитивизма, выступает против его абсолютизации, возведения в принцип познания. Это означало бы для него отказ от логики строгой науки.

Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского обращена к проблеме формирования единого знания о человеке, а точнее – о человечестве. Ученый исходит из идеи единства мирового целого, в котором человечество выступает как его часть. В свою очередь, человечество и исторически, и социологически может рассматриваться как целостность, в котором каждый народ, государство или личность интерпретируется также как его часть. Но эта целостность человечества как объекта познания отнюдь не означает для него трактовки человечества в качестве некоего Великого существа в духе позднего О. Конта, с идеей которого ученый вступает в прямую полемику, и не ради собственно историко-философского значения Конта, а стремясь противодействовать опасной тенденции растворения личности в "массе". Он прямо говорит, что доктрина Конта, в которой "человеческая личность окончательно растворилась в коллективном организме"⁴¹ не может дать основу научной социологии. Напротив, ученый выдвигает феномен человеческого сознания как принципиальный постулат своей концепции. Именно сознание выделяет человечество из мирового целого как его качественно отличную часть. Главная объективная предпосылка для формирования представления о феномене человечества – это принцип "признания чужой одушевленности".

Таким образом, главные исследовательские цели, главная тема размышлений ученого находится в самом центре идей гуманитаристики нашего века, как исторической науки, так и социологии или социальной психологии. Но путь к достижению этой цели Лаппо-Данилевский видит другим. Для него неприемлем интуитивизм как принцип познания, он вступает в прямую полемику с положениями "философии жизни" Э. Зиммеля, с трактовкой восприятия процесса жизни как ее иррационального постижения. Весьма близкий по ряду позиций к понимающей психологии, в этом вопросе он четко определяет свою, строго научную, логическую точку зрения: ученый, – считает он, – судит об одушевленности индивида (личности) по его действиям, – по реализованным, материально воплощенным продуктам его целенаправленной и осознанной деятельности. И еще вопрос, не связаны ли огромные трудности этнометодологической герменевтики (интерпретация вербальной и невербальной коммуникации, понимания и разговора) с тем, что личность достовернее выражает себя в произведении, нежели в устном диалоге? К. Леви-Строс в качестве одного из важных положений структурной антропологии выдвигает четкое различие обществ, для которых характерен по преимуществу устный способ общения, и современных обществ, где "отношения являются следствием косвенных реконструкций, осуществляемых на основании письменных источников"⁴².

Именно произведения (исторические источники), доступные непосредственному восприятию, научному исследованию, и создают основу научного познания социальной реальности – той ее огромной части, которая в принципе недоступна для непосредственного общения, хотя бы в силу условий времени и пространства. Понятие источника социального познания (исторического источника) включает поэтому ряд принципиальных характеристик. Во-первых, источником служит "произведение человека", в отличие от "произведений природы" (ре-

⁴¹ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины Конта. М., 1902.

⁴² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 325.

зультата действия сил природы). Произведение человека – результат его сознательной деятельности, и в этом смысле оно определяется как продукт человеческой психики. Во-вторых, деятельность не может оставаться лишь в области мысли. Она должна быть объективирована в материальном образе. Так возникает определение Лаппо-Данилевского в его методологии источниковедения: источник социального познания определяется как "доступный чужому восприятию, т.е. реализованный продукт человеческой психики"⁴³. Так вырывается реальная основа объективного познания, усиливающая позиции всех гуманитарных наук, использующих исторические источники, гуманитаристика обретает возможность развития как строгая наука.

Соответственно – методология источниковедения – фундаментальная основа гуманитарного познания, наиболее развернуто и тщательно разработана Лаппо-Данилевским, превратившим ее в "цельное и систематическое учение об источниках". Методология источниковедения выступает в концепции Лаппо-Данилевского в двух аспектах. С одной стороны, данный этап деятельности гуманитария самодостаточен: проведя источник сквозь "горнило источниковедения" (выражение С.Н. Валка) исследователь выявляет в нем типические и конкретные черты этого произведения, как явления культуры своего времени. Данный подход представляет особенную и очень важную черту русской гуманитарной науки. С ним связано обращение к произведению как к самодостаточному явлению. На эту сторону данного подхода обращали внимание наиболее глубокие интерпретаторы методологии истории Лаппо-Данилевского – Пресняков и Валк. Они оба заметили общность подхода к источнику Шахматова и Лаппо-Данилевского. Пресняков писал, что подход Шахматова отражает новое отношение к летописям по сравнению с предшествующей историографией; они трактуются не прагматически, "как источники фактических сведений разного рода", но "как драгоценные памятники общественной жизни и литературно-публицистического творчества"⁴⁴. Валк, в свою очередь, соглашаясь с Пресняковым, отметил, что подход Лаппо-Данилевского "тем самым оплодотворяет тенденцию, уже сказавшуюся в русской науке", когда ученый рассматривает подобным образом частные акты⁴⁵.

Однако, необходимо, с другой стороны, отметить, что в рамках общей концепции методологии Лаппо-Данилевского, методология источниковедения выступает лишь как один, хотя и существенно важный компонент. Вторым компонентом является методология исторического построения. Опираясь на результат источниковедческого изучения произведения, его трактовку как явления культуры своего времени, исследователь решает новую задачу: он ставит вопрос о том, что представляет та культура, то общество, та социальная ситуация, в которой возможно было создание подобного явления и функционирование подобного произведения. Лаппо-Данилевский называл этот этап – этапом исторического построения (т.е. конструирования данной культурной реальности).

Таким образом, перед нами – оригинальная, не повторяющаяся в других направлениях, методология истории, особый подход к решению вечных проблем гуманитарного познания. Новизна его состоит прежде всего в своеобразной интерпретации проблемы объекта гуманитарного познания, его свойств и потенциальных возможностей и, в соответствии с этими свойствами построения обоснованной, цельной, логической системы методов познания этого объекта.

⁴³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 374.

⁴⁴ Пресняков Е.А. [Рецензия] // Дела и дни. Пг., 1920. С. 450. – Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пб., 1920.

⁴⁵ Валк С.Н. [Рецензия] // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 254 – Рец. на кн.: А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов.

В качестве принципиальной исходной позиции взята позиция превращения гуманитаристики в строгую науку. Ученый исходил из того, что гуманитарное познание – как единое и целостное, возможно и необходимо собственно не как наука о человеке, но как наука о человечестве. Главным объектом наблюдения и исследования выступает феномен человеческого общения. Он многообразен, но в центре данной методологии познания оказывается прежде всего то общение, на которое способен во всей живой природе только человек. Это – опосредованное общение, условием которого является целенаправленное создание произведений, созданных человеком и доступных для восприятия и интерпретации другим человеком.

Естественно, при таком подходе источниковедческий анализ и синтез, направленные на изучение произведения (исторического источника) разработан особенно детально. Этой проблеме посвящено "цельное и систематическое учение" – методология источниковедения. Само произведение – исторический источник восстанавливается в ходе исследовательских процедур таким, каким его, возможно, и не осознавали современники и даже сам автор: как явление культуры (данной эпохи, страны, народа, государства, личности). В свою очередь, располагая подобными, самодостаточными самими по себе, исследованиями, гуманитаристика получает возможность нового постижения феномена культуры в его отдельных временных рамках, регионах, компонентах и т.п., в перспективе – воссоздания целостного, убедительного своей доказательностью, реальностью объектов и логической строгостью метода – феномена человеческой культуры.

Методология истории Лаппо-Данилевского не получила завершения в едином издании: методология источниковедения и ряд общих принципиальных положений наиболее полно освещена в издании 1913 г., методология исторического построения восстанавливается по более ранним изданиям работы. В "Очерке русской дипломатики частных актов" ученый сделал еще один важный шаг к раскрытию своего общего замысла – он показал на материале крупного видового корпуса источников (частных актов России) как реализуется методология исторического источниковедения и методология исторического построения в практике междисциплинарного по существу, историко-правового культурологического исследования. И все же, ученики и последователи данной методологической школы отдавали себе отчет в том, что на пути к реализации этих идей окажется много препятствий. Валк, блестяще показав методолого-теоретическое значение последнего труда ученого, писал: "Как и все научное наследство А.С., он (этот труд), в той же мере индивидуален и столь же вне сферы господствующих русских исторических направлений. Это последнее, а также та высота научного уровня, которая требуется для того, чтобы приобщиться к трудам А.С., заставляют иногда с тревогою следить за судьбой идей А.С. в их посмертном развитии. Лишь неустанным и общим трудом можно придать им новую жизнь и привести к полному раскрытию их основного начала"⁴⁶. Действительно, приобщение к идеям методологии истории по ряду причин – непростое дело. Однако, этот труд души в избытке вознаграждается тем, что, как только идеи ученого начинают восприниматься творческой личностью, жизненным миром другого человека, то возникает новый синтез. Эта удивительная черта – несомненный признак хорошей теории, проявлялась и, конечно, проявится в дальнейшем еще ярче. Отметим здесь лишь несколько подобных примеров, и то в той лишь мере, в какой это позволяет несколько полнее раскрыть главную тему данной статьи.

Глубокое понимание фундаментальной целостности наук о природе и наук о

⁴⁶ Там же. С. 258.

человеке, реализованное в концепциях В.И. Вернадского и А.С. Данилевского, о мировом целом и преобразующей его разумной человеческой деятельности, находит свое дальнейшее развитие в трудах обоих ученых, посвященных истории науки. Процесс развития научного знания прослеживается ими как единый и общий, охватывающий как естественно-научные, так и гуманитарные области познания. Именно так рассматривает Лаппо-Данилевский историю науки в России вплоть до новейших ее достижений XX в. в своем выступлении перед английскими учеными⁴⁷. Общими являются позиции Вернадского и Лаппо-Данилевского по вопросу о роли науки в жизни ученого и о связи науки с жизнью и его деятельности, о необходимости постоянной деятельности "для культурного роста личности и народа"⁴⁸. Эти идеи находят глубокое и многоплановое развитие в трудах близких друзей ученого – С.Ф. Ольденбурга и И.М. Гревса, в исследовании широкого круга источников по истории мировой культуры⁴⁹.

Отметим здесь лишь одно из подобных направлений – работы И.М. Гревса о приобщении к памятникам культуры в ее непосредственном восприятии, – одновременно материальном и духовном, знаковым и эмоционально-психологическом. В этом психологическом восприятии происходит, как писал Гревс, "синтезирование явлений природных и человеческих". Он говорил о важности "непосредственного исследования подлинной действительности в ее предметах и явлениях – через путешествие". Интеграционный подход к материальной и духовной, знаковой и вещественной (в терминологии Лаппо-Данилевского – изображающей и обозначающей) сторонам произведения культуры составил одно из важнейших направлений отечественной культурологии.

Для Лаппо-Данилевского характерно было самое широкое и разнообразное привлечение различных видов источников, произведений культуры прошлого и современности, обобщающее осмысление вещественной и духовной стороны исторических источников. В его "Методологии истории" в связи с изложением принципов и методов типизирующей и индивидуализирующей критики и интерпретации источников представлен широчайший круг произведений культуры всех эпох мировой истории, – от первобытных археологических памятников до произведений античной культуры и искусства, законодательных, нарративных, делопроизводственных, литературно-художественных, философских, нормативно-поучительных и многих других видов и жанров исторических источников. Особый методологический, строго научный и культурологический подход позволяет рассматривать процесс взаимодействия в труде ученого философии и эмпирии, теоретико-познавательной и конкретно-практической деятельности в их взаимном проникновении и взаимообогащении. О "естественном союзе философии и эмпирической науки" в исследовательской и педагогической деятельности ученого – писал Т.И. Райнов⁵⁰, в дальнейшем – известный историк науки. Этой проблемой также специально занимался А.Е. Пресняков. Пресняков показал необычайную цельность деятельности ученого, в которой мировоззренческие, теоретико-познавательные и этические принципы реализовались не только в собственно научных трудах, но в самых различных научно-организационных и на первый взгляд как будто-бы прикладных исследованиях в области археографии, архивоведения, реорганизации архивного дела или преподавании. Ученый и его последователи видели в любой форме работы по

⁴⁷ Duff J.D. Russian Realities and Problems.

⁴⁸ Вернадский В.И. Высшая школа в России. СПб., 1913. С. 322.

⁴⁹ Ольденбург С.Ф. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. Кн. 6; Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // Там же.

⁵⁰ Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 5. С. 49.

сохранению архивного документа, исторического источника мощный импульс, направленный на повышение уровня культуры массового сознания, на воспитание исторического сознания личности⁵¹.

Особенно интересны работы исследователей, содержащие полемику, несогласие с методологическими постулатами Лаппо-Данилевского (если, конечно, речь идет о научной полемике по существу проблематики). Именно таково отношение к А.С. Лаппо-Данилевскому Л.П. Карсавина. О том, почему не произошло дружеского сближения ученого с молодым и талантливым Карсавиным, размышлял еще А.Е. Пресняков. В работах Карсавина встречаются негативные высказывания о суждениях Лаппо-Данилевского, говорится о сложности его изложения. По-видимому, давало себя знать совершенно различное представление о принципах исторического познания. То, что для Лаппо-Данилевского – строгая наука, для Карсавина – интуитивное постижение, для него исторический синтез всегда индивидуален. Но при всем различии, некоторые сущностные моменты исторического познания в их представлениях оказываются совпадающими. Таково, например, суждение Карсавина о том, что источник и источниковедение – есть момент общения, встречи внутреннего мира ученого с самой сущностью исторического: "Он спешит", – пишет Карсавин, – "проделать всю черную работу над источниками, чтобы уловить саму сущность исторического. Она легче и лучше всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем"⁵². Как и для Лаппо-Данилевского, для Карсавина обращение к источнику – момент встречи с индивидуальностью автора, момент вершины гуманитарного творчества: он (историк) "вычитывает из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает". Продолжая мысль Преснякова и Валка о самодостаточности источниковедческого исследования как изучения произведения и его автора (метод А.А. Шахматова), Карсавин верно угадывает истинную причину увлечения "игрой" с источником в духе эпохи романтизма. "Здесь же, в острой тяге к конкретной индивидуальности, один из корней (конечно, не единственный) исторических подлогов (Макферсон, Ганка)"⁵³.

На этом пространстве гуманитарного знания, логически выверенном Лаппо-Данилевским и оживающим под пером Карсавина, яснее вырисовываются три составляющие элемента строгой науки о человеке: произведение – его автор и его исследователь. Несколько точных афоризмов выдвигает, обозревая пространство культуры и пронизывающие его линии взаимодействий, М.М. Бахтин: в гуманитарных науках речь идет не об отношении субъект–объект, а о взаимодействии двух субъектов ("признание чужой одушевленности" Лаппо-Данилевского). Художественное произведение (ведь Бахтин учился на историко-философском факультете, где столько лет преподавал основатель методологии истории) выступает как точка пересечения, как средоточие сущностных интенций художника и его интерпретатора⁵⁴. При этом произведение – вполне реальный залог научности методологии истории. Об этом писал еще Карсавин в своей "Теории истории", обращенной к молодому, начинающему самостоятельный путь исследователю: "При достаточном понимании и правильной оценке источников, как частей прошлого, само собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естест-

⁵¹ Пресняков А.Е. Исторические источники и подлинные документы в научной работе: Речь при открытии Архивных курсов // Архивные курсы: Лекции, читанные слушателям. Пг., 1920.

⁵² Карсавин Л.П. Философия истории. С. 228.

⁵³ Там же. С. 81.

⁵⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

венных наук, метода исторического, жалобы, столь характерные для французских методологов"⁵⁵.

Итак, триада: человек – произведение – человек, не ограничивающая творческой фантазии познающего субъекта, но поддерживающая его в пределах строгой научности, помогающая не смешивать субъект с объектом, научный метод с методами искусства, не погрузиться в хаос глубокомыслия, говоря словами Гуссерля⁵⁶. Данная методология истории изначально междисциплинарна, поскольку втягивает в пространство своего изучения те аспекты философии, науки, искусства, которые обращены к человеческой природе, к социальным, психологическим, информационным, – вербальным и невербальным процессам общения. Эта особенность данной методологии истории ярко проявилась как в личности Лаппо-Данилевского и его непосредственного окружения, так и теперь, когда закладываются новые направления гуманитарного знания и образования. Использование структуралистских, типизирующих или интуитивистских подходов носит, однако, подчиненный главным методологическим постулатам характер. Фундаментальные принципы данной методологии истории цельны, неизменны и взаимосвязаны: обращение к произведению, – источнику познания, – как условию строгой научности; изучение феномена человеческого общения преимущественно в его опосредованной, материализованной в источнике форме, – ибо она более определено и репрезентативно выражает иерархию приоритетов и целей общения (в отличие от форм непосредственного личного общения, где смыслы перекрывают друг друга и выступают в незавершенности); обращение к произведению как источнику, позволяющему наблюдать личность (или сообщество) в ключевые моменты целенаправленной созидательной деятельности и, следовательно, творческой целостности.

В.П. Корзун

НЕВОСТРЕБОВАННОЕ НАСЛЕДИЕ

**(Материалы по истории науки в архиве
А.С. Лаппо-Данилевского)**

Классиками русского дореволюционного науковедения обычно считаются В.И. Вернадский и К.А. Тимирязев. Это во многом объясняется тем, что данной областью науки по сложившейся традиции занимаются науковеды-естественники, разрыв гуманитарной и естественной традиций, несмотря на все оговорки, продолжает оставаться нормой. Картина историко-научных поисков конца XIX и начала XX в. представляется более многоликой и сложной, ее создавали и представители научного сообщества гуманитариев. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) – крупнейший из них. Шарль Ланглуа называл его в 1912 г. самым знающим историком науки¹. А летом 1916 г. по приглашению Кембриджского университета он прочел несколько лекций по истории научной мысли в России и был удостоен звания почетного доктора права².

Послереволюционную судьбу историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского нельзя назвать благоприятной. В литературе, появившейся в память об

⁵⁵ Карсавин Л.П. Теория истории. Пг., 1920. С. 39.

⁵⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука.

¹ СПб. ФА РАН. Ф. 113.

² Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6.

историке, лишь констатируется его интерес к проблемам истории науки³. Исключение составляет статья А.Е. Преснякова "Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории", в которой впервые выделены основные моменты его историко-научной концепции, хотя ее анализ и оценка практически отсутствуют. Пресняков ограничился оценкой схемы Лаппо-Данилевского как интересной и отражающей историческую традицию⁴. А далее – несколько десятилетий молчания.

Невостребованность историко-научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского (здесь мы не касаемся его источниковедческих разработок, их судьба – особая тема) объясняется и общим положением историографии как науки в историко-культурных реалиях 1930–1950-х годов, с гипертрофированной классовой ценностной ориентацией, и внутренними факторами развития науки. При всей значимости коллективной работы в науке, особенно на определенных ее этапах, вперед выступают "отдельные личности, резко выделяющиеся из толпы или силой своего ума, или его ясностью, или широтой мысли, или энергией воли, интуицией, творчеством, пониманием окружающего. Очень часто их открытия и стремления не могут даже быть понятыми современниками – так далеко вперед уходит мысль отдельных лиц среди коллективной работы общества"⁵. В этом смысле невостребованность заложена в самой логике развития науки. Другое дело, что это обстоятельство было трагически усилено социальными факторами. В частности, с высылкой в 1922 г. многих выдающихся отечественных мыслителей были утрачены вкус, напряженность и результативность методологических поисков. Сложилось новое сообщество историков, для которых выбор методологической ориентации перестал носить интеллектуально-личный характер. В конечном счете они пришли к скептическому отношению к теории вообще.

В 1960–1980-х годах усилился интерес к методологическим исканиям предшественников, среди которых фигура Лаппо-Данилевского, методолога по преимуществу, занимала особое место⁶.

Честь открытия А.С. Лаппо-Данилевского как историка отечественной исторической науки для современного читателя принадлежит Р.А. Киреевой⁷. Обра-

³ Валк С.Н. Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 189–199; Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же. С. 200–206; Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (опыт истолкования души) // Там же. С. 44–81; Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 112–131; Ольденбург С.Ф. Указ соч. С. 164–180; Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Там же. С. 82–96; Он же. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же. С. 97–111; Пресняков Е.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

⁴ Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 110.

⁵ Вернадский В.И. Петр Великий – организатор науки в России // Владимир Вернадский. Открытие судьбы. М., 1993. С. 563.

⁶ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 33–37; Грехова Г.И. Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского // ВИД. Л., 1976. Т. 8; Хмылев Л.Н. А.С. Лаппо-Данилевский и проблемы теоретического источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976; Он же. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978. С. 72, 74, 76, 77, 81–145; Рамазанов С.П. Методологические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей в историческом познании // Методологические и историографические вопросы истории науки. Томск, 1980. Вып. 14; Он же. Дискуссия о неокантианской теории ценностей в русской либеральной историографии периода кризиса буржуазной исторической мысли // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1983. Вып. 16. С. 11, 121; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историогр. очерки. Л., 1986. С. 140–154.

⁷ Киреева Р.А. Опыт периодизации русской историографии в литературе середины XIX – начала XX веков (резюме) // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975; Она же. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. М., 1985; Она же. Непубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981.

тившись к рукописному наследию историка, исследовательница показала многолетнюю, кропотливую работу Лаппо-Данилевского над курсом историографии, который он читал в Петербургском университете с 1892/93 по 1917/18 учебные годы. Большой заслугой автора можно считать постановку проблемы эволюции взглядов Лаппо-Данилевского на историю отечественной исторической мысли и выделение ряда существенных особенностей его историко-научной концепции. Так, Р.А. Киреева справедливо замечает, что Лаппо-Данилевский «стал выводить историографию из рамок сугубо исторического знания и узко национальных ограничений. Он включал историографию в процесс, по его выражению, глобального развития общемировой истории науки, в особый разряд "науки о науке", в конкретных областях знания которой проявляются общие задачи и приемы, присущие истории всех наук»⁸. В работах автора предлагаемой статье акцент перенесен на собственно историко-научную концепцию Лаппо-Данилевского, что стало возможным благодаря находке неопубликованной рукописи "Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении"⁹.

Интерес к истории науки обнаруживается у Лаппо-Данилевского с самого начала самостоятельной научной деятельности и теснейшим образом переплетается с его методологическими штудиями. По словам А.Е. Преснякова, "сложный теоретический подход к основным вопросам науки остался характерным отличием всего ученого мышления Александра Сергеевича"¹⁰. Такие свойства его натуры, как целеустремленность в "осмыслении" жизни и в поиске истины, "неизменная принципиальность: всегда за идею и по идее – интеллектуально, в познании истины, и, этически в осуществлении добра"¹¹, трудолюбие и организованность – во многом определили энциклопедизм Лаппо-Данилевского, без которого немислим историк науки.

Не случайно мы видим молодого историка в кругу Приютинского Братства – особого микросоциума, аккумулирующего духовную энергию, где начала община, братства, согласия и совместного труда признавались основной ценностью¹². Братство было основано в 1885 г. "вчерашними универсантами и курсантами", которым было по 23–25 лет. Центр Братства был четко кристаллизован, периферия размыта, "наиболее устойчивое и долговременное ядро Братства составили Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Иванович Шаховской, братья Федор Федорович и Сергей Федорович Ольденбурги, Иван Михайлович Гревс, Александр Александрович Корнилов. Они называли себя приютинцами по названию будущего общего имения, которое собирались ку-

⁸ Киреева Р.А. Неопубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского. С. 97.

⁹ Корзун В.П. Проблемы прогресса исторической науки в отечественной либерально-буржуазной историографии // Источники и историография: Археология, история. Омск. 1988; Она же. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989; Она же. Об одной попытке создания истории отечественной науки (к вопросу о понимании истории наук в дореволюционной и советской традиции) // Роль науки в освоении восточных районов страны: Тез. докл. Всерос. научн. конф. Новосибирск, 1992; Она же. Национальные особенности русской науки в концепциях отечественных историков // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992; Она же. Национальная культурная традиция и историческая наука в концепциях отечественных историков рубежа XIX–XX веков // Проблемы культуругенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 1; Она же. А.С. Лаппо-Данилевский – историк исторической науки (к 130-летию со дня рождения) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. научн. конф. Омск, 1993.

¹⁰ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 82.

¹¹ Гревс И.М. Указ. соч. С. 46.

¹² Борисов В.М., Перченко Ф.Ф., Розинский А.Б. Механизмы культуры. М., 1990. С. 234.

дять (да так и не приобрели)¹³. Братство было пронизано личными дружескими связями и родственными отношениями. А.С. Лаппо-Данилевский женился на двоюродной сестре И.М. Гревса Елене Дмитриевне (в девичестве Бакарюковой), а ее сестра – Мария стала женой Ф.Ф. Ольденбурга. Через И.М. Гревса проходила и другая линия – его жена Мария Сергеевна Зарудная состояла в родстве с Натальей Егоровной Старицкой – женой В.И. Вернадского. Как видим, родственником с Братством оказался связанным и Лаппо-Данилевский. Представляется, что значимость этой связи – и родственной, и духовной – недооценивается современными авторами.

Так, например, в обстоятельных публикациях (В.М. Борисова, Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского) о нем в связи с Братством упоминается буквально одной фразой, и то в примечаниях¹⁴. А между тем как архивные данные, так и воспоминания И.М. Гревса – одной из активнейших фигур Братства, свидетельствуют об участии А.С. Лаппо-Данилевского в практических делах этого сообщества и в общем "духовном кровообращении", формирующем интеллектуальный фон. Судя по переписке, особо доверительные отношения у него сложились с Гревсами (прежде всего с Марией Сергеевной) и В.И. Вернадским. Впервые его имя в их компании упоминается в связи с деятельностью студенческого литературного общества при Санкт-Петербургском университете, куда он попал с легкой руки Ф.Ф. Ольденбурга. Как вспоминает И.М. Гревс, Ф.Ф. Ольденбург, обладавший изумительной способностью угадывать людей, угадал и Лаппо-Данилевского, который становится одним из центральных деятелей общества, секретарем его научного отдела, а затем и основателем специального исторического кружка¹⁵.

Но, пожалуй, самым интересным для нас является включение Лаппо-Данилевского в тот интенсивный обмен знаниями и размышлениями о жизни, дружбе и науке, которые составляли своеобразную атмосферу этого культурного гнезда. В переписке с М.С. Гревс в 1889–1890 гг. А.С. Лаппо-Данилевский часто обращается к подобного рода проблемам. Так, он цитирует близкую ему по духу мысль Платона, что добродетель одна и что высшее знание есть вместе с тем и высшая добродетель¹⁶. Служение науке и истине для него единый процесс. "Мне кажется, – пишет историк в 1889 г., – что я готов отдать все, чтобы на миг взглянуть прямо на солнце, увидеть истину"¹⁷. И в другом письме добавляет: "Я хочу жить по правде и истине"¹⁸.

Поражает удивительное созвучие размышлений А.С. Лаппо-Данилевского и В.И. Вернадского. Годом раньше подобное умонастроение высказывает Вернадский в письме Д.И. Шаховскому – главной целью своей жизни и "жизни всякого другого человека должно быть познание, стремление узнать истину... Истина дознается наукой, а потому, я имею право сказать, что я живу для науки, все другие должны жить для науки и что человечество существует для науки, а не наука для нас или для человечества". Так что не случайно своим пониманием идеала служения науке Лаппо-Данилевский делится именно "с дорогим Фосфоритом": "Если Моира предопределила мне долгую жизнь, то я думаю разделить ее на три периода: первый посвящаю специальности, второй – кругу знаний однородных с моею специальностью (наукам общественным), третий – знанию вообще. Этим дележом я не рассекаю своей умственной жизни на три бес-

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Шаховской Д.И. Письма о братстве // Примеч. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорочкиной // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 297.

¹⁵ Гревс И.М. Указ. соч. С. 59.

¹⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 39 об.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 7.

связные части, а рассматриваю ее как союз трех знаний, который с статической точки зрения представляю себе в виде трех концентрических кругов, а с динамической – в виде взаимодействия трех обратно пропорциональных прогрессий"¹⁹.

Служение науке ощущается и осмысливается как важнейшая ценность и долг – отсюда мучительное сомнение в своих способностях. "Чувствую иногда неуверенность в себе. Во-первых, физически я слишком ничтожен, чтобы служить науке, во-вторых, и претензии очень большие: хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым, который дает новое освещение не только некоторым проблемам научным, но и основным принципам науки. Не думайте, – обращается он к М.С. Гревс, – что это самолюбие, это во всяком случае мои потребности и идеи"²⁰. Подобные сомнения усиливались размышлениями о смертности человека, а из них вытекала очень рано осознанная цель – успеть сделать как можно больше. В 28-летнем возрасте в письме к своей будущей жене Лаппо-Данилевский писал: "Личные чувства не должны мешать делу, которому служишь и которое выше всего частного. Только иной раз так страстно хотелось бы знать, долго ли будешь в состоянии служить этому делу. Если не долго, то надо бы поскорее свои теории обнародовать, не для того, чтобы выказать цельную систему, а лишь для того, чтобы по крайней мере несколькими мыслями дать другим толчок, навод, быть может иногда новую теорию. Если долго, если есть время, то можно еще многое-многое обдумать и все представить в лучшем виде. Итак, успех работы зависит в значительной мере от того, что не знаешь, и элемент случайности вносится в такое дело, которое ничего случайного не должно было бы иметь"²¹. Такое ритуальное отношение к науке, называемое Вернадским "научной верой", безусловно окрашенное сциентизмом, давало ее носителям определенную устойчивость, было опорой "среди осознанного ими несовершенного мира".

Непосредственное общение с Вернадским оказало влияние на историко-научные взгляды Лаппо-Данилевского. В одном из ранних писем будущей супруге, датированном июнем 1894 г., Лаппо-Данилевский делится впечатлением от встречи с Вернадским в Москве: "...Мы приятно провели время, я, по крайней мере. Так от него я узнал о главных сочинениях по истории математики и физики, к которым я думаю со временем обратиться. После его ухода я занялся своей методологией и много мыслей пришло в голову, мелких и более крупных, так что они не дали мне спать до 3-х часов"²². В свою очередь, Лаппо-Данилевский принимает участие в розыске ломоносовских материалов для Вернадского, который позже в своих знаменитых "Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии", уделит исполинской фигуре М.В. Ломоносова значительное место²³. С ним же он обменивается иностранными книгами по истории науки и, наконец, обращается с просьбой организовать перевод с французского работы А. Навиля. Отметим также, что Лаппо-Данилевский в своих лекционных курсах часто обращался к "ценным замечаниям по истории науки Вернадского", конспекты содержат обширные цитаты из его работ. В таком содружестве духовный и интеллектуальный рост каждого "становился общим делом всех, духовный рост целого – сделался достижением каждого"²⁴.

¹⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 923. Л. 19.

²⁰ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Л. 37; *Вернадский В.И.* Общеобязательность научных результатов: Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Владимир Вернадский. Открытие судьбы. М., 1993. С. 530–532.

²¹ СПб. ФА РАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 222. Л. 5 об.

²² Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 32.

²³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 923. Л. 1.

²⁴ *Гревс И.М.* Указ. соч. С. 234.

Эту тему можно было бы продолжить, но для нас очевидно, что "Приютинское Братство", "петербургское культурное гнездо" с присущей ему связью с особой петербургской культурой, ориентированной на четкость, строгость, "логическую определенность очерченности мысли в философском тексте"²⁵, явилось социально-психологическим истоком науковедческого интереса его участников, и Лаппо-Данилевского в том числе. Что же касается внутринаучных предпосылок такого интереса, то они в основном обозначены в нашей историографической традиции и их детальное исследование представляет самостоятельный интерес. Впервые в систематизированном виде свои историко-научные представления Лаппо-Данилевский излагает в июне 1906 г. в цикле лекций для учителей гимназии под названием "Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении"²⁶. Рукопись прочитанных лекций хранится в личном фонде Лаппо-Данилевского (СПб. ФА РАН), она содержит более 200 страниц, написана в свойственной автору манере – лаконично, с обширной библиографией, насчитывающей более 80 названий, включающей литературу на русском, французском, английском языках. Поразительная быстрота интеллектуальной реакции, включение в анализ только что вышедших работ европейских авторов позволяет нам представить облик ученого начала XX в., нашего соотечественника, уверенно "державшего руку на пульсе" развития мировой науки.

В авторском тексте выделены 3 лекции, не совсем равные по объему: "История важнейших и наиболее общих попыток построить историю наук, в частности историографию"; "Установление точек зрения, с которых в настоящее время можно строить историю наук"; "Педагогическое значение истории наук".

В вводной лекции историк по существу ставит проблему внутринаучных предпосылок интереса к истории науки. Постановка этой проблемы представляется современной и сейчас, спустя век. В литературе утвердилась мысль, что историографический всплеск рубежа XIX–XX в. связан по преимуществу с кризисом исторической науки – мысль, упрощающая и даже игнорирующая предшествующие историко-научные поиски. Гораздо больший историзм мы наблюдаем в подходе Лаппо-Данилевского, обозначенном почти век назад. Историк расширяет наше представление о научных исканиях и спорах на протяжении XIX – начала XX в. Причем он не ограничивается выделением основных подходов к истории науки, а характеризует их достаточно полно. Он замечает эволюцию философского направления в науковедческой мысли и рассматривает построение общей истории науки с позитивной и идеалистической точек зрения. Под последней он понимает неокантианство.

Лаппо-Данилевский уловил поворот в историко-научных исследованиях от позитивизма к идеализму и заметил такие новации как: 1) введение науки в социо-культурный контекст; 2) пристальный интерес к проблемам творчества; 3) исследование внутреннего мира науки.

Во второй лекции "Размышлений..." Лаппо-Данилевский строит собственную концепцию истории наук, которую вряд ли можно назвать завершенной, это скорее леса, чем само здание. Он больше ставит вопросов, чем их решает, дает скудные комментарии предшественникам, отказывается от самим же высказанных гипотез. С одной стороны, это свидетельствует об огромных объективных профессиональных трудностях (ту же картину мы наблюдаем и у Вернадского), с другой – перед нами уникальный источник, раскрывающий индивидуальные

²⁵ *Казан М.С.* Слово Петербурга в истории русской культуры // Возрождение культуры России: истоки и современность. СПб., 1993. С. 96.

²⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180.

особенности творческого процесса Лаппо-Данилевского, приоткрывающий дверь в его творческую лабораторию.

Центральным тезисом его историко-научной концепции выступает единство догматического и исторического или реального развития науки. Исследователь фиксирует сложившееся расщепление в подходе к истории науки: либо определенная наука раскрывается во времени, либо изучается процесс умственного развития человечества, поскольку оно сказалось в истории науки.

"Если история науки может быть приравнена к логическому развитию истезного рода идей, последовательно раскрывающихся в действительности и не теряющих своей научной ценности и по настоящее время, то она дает понятие о самой науке". Такую гипотезу историк называет логическим развитием науки. И далее "признаки, по которым я мог судить о направлении, быстроте, сложности и прочем умственном развитии человечества, получают наибольшую точность в науке. Такое развитие, – пишет А.С. Лаппо-Данилевский, – я буду называть реальным развитием науки"²⁷.

В развернутом Лаппо-Данилевским доказательстве логического развития науки обнаруживается интерес не только к готовому знанию, но и к деятельности по его получению, что безусловно отражало общий культурный интерес к проблемам творчества, стимулируемый неокантианской доктриной.

Как справедливо замечает Лаппо-Данилевский, "логическое развитие науки в действительности постоянно нарушается"²⁸. Исследователь, размышляя над особенностями анализа исторического развития науки, призывает к "познанию исторической действительности во всей ее многосложности, к выяснению корней данной системы, он полагает, что необходимо рассматривать самые мелкие обрывки научной мысли в генезисе, в зависимости от конкретных условий данного периода (социального быта, обычаев, традиций, техники, практической жизни и т.д.)"²⁹. Задачей исследователя, по Лаппо-Данилевскому, является восстановление исторического значения изучаемой доктрины сквозь призму той ценности, "которую придавали ей люди, котóрые создавали ее, верили в нее...". Эти раздумья историка свидетельствуют о более широком понимании социальности в науке, чем это было присуще позитивистской научно-исторической концепции, в частности, в понятие социальности включаются и аксиологические условия развития науки, т.е. ценностные ориентации общества. В этой лекции Лаппо-Данилевский в качестве примера обращается к исторической науке, которая "зависит в еще большей мере, чем какая бы то ни было другая наука от современных условий общественной и политической линии: например, борьбы партий, политологического мировоззрения, цензуры и т.п."³⁰. Типичным примером такого рода зависимости Лаппо-Данилевский считает "Римскую империю" Моммзена.

Как и Вернадский, Лаппо-Данилевский большое внимание уделяет влиянию идейных факторов на развитие науки и, в частности, касается влияния религиозных и философских идей, которые в одних случаях стимулировали развитие науки, в других – выступали ее тормозом, тем самым подчеркивалась сложность и противоречивость реальной научной картины. Более подробно этот фактор исследуется историком в курсе русской историографии и неопубликованной при его жизни работе "Влияние культуры на эволюцию общественно-политических идей в России". Различение внутренней логики и реальной конкретики в развитии науки безусловно делают честь исследователю. В данной концепции

²⁷ Там же. Л. 32.

²⁸ Там же. Л. 37–38.

²⁹ Там же. Л. 47.

³⁰ Там же. Л. 71.

угадывается в будущем очень популярная тенденция обращения к изучению повседневности как важнейшего фактора развития культуры и науки, с одной стороны, а с другой, пристальный интерес к внутренней социальности как бы дополнял марксистский подход к науке, и в этом плане непонятна столь категоричная критика Лаппо-Данилевского в советской историографии.

Личность ученого для Лаппо-Данилевского – центральная фигура историко-научного процесса. Среда не рассматривается им как сугубо внешний фактор развития науки по отношению к исследователю. Он замечает, что "открытие новых идей происходит благодаря умственной деятельности данной личности, а она сама оказывается не только продуктом таких условий, но и одним из них"³¹. Индивидуальность научного творчества нельзя вывести из среды. Используя обширные цитаты из работ французского историка науки Ментре³², Лаппо-Данилевский замечает, что все-таки "не следует преувеличивать значение индивидуального творчества", и по существу размышляет о науке как форме всеобщего труда по производству нового знания. В связи с этим он делает весьма любопытное замечание, что по мере развития культурного общения, увеличения значения и распространения периодических изданий, мы все чаще сталкиваемся с совпадениями открытий³³. Такое понимание науки вело к углублению и расширению историко-научной проблематики. Например, Вернадский говорит об общих чертах, свойственных научному творчеству, что предполагает существование законов этого творчества, открытие которых ему представляется делом трудным. "Можно только утверждать, что эти законы не совпадают с законами логики..., а являются сложным проявлением человеческой личности"³⁴.

Аналогичную трудность отмечает и Лаппо-Данилевский. Тем не менее оба исследователя ищут подходы к решению этой проблемы. С.Р. Микулинский отмечал, что Вернадский выделяет три главных направления, ведущих к ее решению. Первое – сравнительно-генетическое изучение мировоззрений различных эпох, в конечном итоге приводящее к пониманию закономерности процесса смены одного мировоззрения другим. Второе – изучение структуры науки различных эпох. Третье – изучение взаимодействия науки с другими формами научного сознания³⁵.

Лаппо-Данилевский, принимая указанный подход, движется как бы с другой стороны туннеля. Он полагает, что, поскольку логическое развитие науки постоянно нарушается, законы при таких обстоятельствах вряд ли можно сформулировать, поэтому есть смысл говорить о закономерностях историко-научного процесса.

Третью лекцию Лаппо-Данилевский посвящает выяснению педагогического значения истории наук, при этом касается вопроса о роли науки в обществе, о ее значении в воспитании гражданственности. По Лаппо-Данилевскому, уважение к науке "является одним из самых основных элементов... общего культурного фонда, без которого общество и государство лишено реальной опоры и возможности истинно прогрессивного развития"³⁶. История науки представляется ему важнейшим фактором формирования самостоятельно мыслящей личности, ориентированной не на законченность любой системы, а на ее открытость, на

³¹ Там же. Л. 72.

³² *Mentre F.* Le hasard dans les decouvertes scientifique d'apres Cl. Bernard // *Revue de philosophique*. Juin, 1905.

³³ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 79.

³⁴ *Вернадский В.И.* Очерки по истории современного научного мировоззрения // *Избранные труды по истории науки*. М., 1981. С. 75.

³⁵ *Микулинский С.Р.* В.И. Вернадский как историк науки // *Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки*. С. 31.

³⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180. Л. 111.

многообразии. Для дореволюционной академической науки характерным было соединение европейской научной традиции и этического, народнического миро-созерцания. Балансирование между идеалами просвещения и истины являлось естественным выражением этого обстоятельства. В связи с этим Лаппо-Данилевский обращает внимание с одной стороны на созидательность науки, особенно в революционное время, с другой – на связь науки и нравственности. Противоречия современной ему интеллигенции он видит в разрыве этих двух компонентов, преодоление которого, по Лаппо-Данилевскому, заложено в историко-научном образовании.

Таким образом, в этой рукописи представлена в самом общем виде историко-научная концепция Лаппо-Данилевского, отразившая процесс перехода от позитивистского антиисторизма на позиции идеалистического историзма с характерным для него вниманием к процессу индивидуального творчества. Эту концепцию отличает более глубокое понимание социальности в науке, интерес к личности "историка-творца", к психологическим основам творчества. Здесь в зачаточном виде поставлен целый ряд важных теоретических проблем (проблема прогресса науки, проблема интенсивных и экстенсивных путей ее развития, проблема взаимосвязи науки и национальной культурной традиции, проблема личностного знания), ставших предметом ожесточенных дискуссий в науковедении XX в.

С.В. Чирков

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В октябре 1892 г. на очередном заседании Петербургской Археографической комиссии А.П. Барсуков представил для издания (по поручению известного московского археографа А.Н. Зерцалова) копию, снятую с кормленной книги Костромской чети 1613–1627 гг. Сделать заключение о целесообразности такого издания Комиссия просила академика В.Г. Васильевского. Однако В.Г. Васильевский не стал рассматривать представленный материал, а передал его своему ученику, профессору Историко-филологического института А.С. Лаппо-Данилевскому. "По приглашению" учителя Лаппо-Данилевский составил записку о кормленной книге, которая и была читана на заседании Комиссии 11 декабря 1892 г., а по прочтении было определено приложить записку к протоколу и напечатать ее вместе с кормленной книгой в "Русской исторической библиотеке"¹. Так, А.С. Лаппо-Данилевский начал сотрудничать в наиболее авторитетном (по определению С.Н. Валка) археографическом учреждении дореволюционной России. Через полтора года, в мае 1894 г., Л.Н. Майков, А.Ф. и И.А. Бычковы и Е.Е. Замысловский предложили избрать в члены Комиссии А.С. Лаппо-Данилевского, "зарекомендовавшего себя несколькими почтенными археологическими и историческими трудами", отметив, что защищенная им диссертация "Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований" – "труд весьма добросовестный, обнаруживший близкое знакомство автора с источниками, и для которого г. Лаппо-Данилевский много поработал с рукописными материалами, хранящимися в

¹ ЛЗАК за 1888–1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11. Отд. IV. С. 127, 128.

московских архивах Министерства юстиции и Министерства иностранных дел и в Императорской Публичной библиотеке"².

В том же заседании был представлен в члены Комиссии и С.Ф. Платонов, однако их избрание состоялось не на следующем заседании (не было кворума), а 20 сентября 1894 г. Уже вскоре оба ученика В.Г. Васильевского дружно выступали по поводу нового предполагаемого издания: когда А.А. Титов предложил напечатать сотную грамоту Нижнего Новгорода 1621 г. и была вытребована писцовая книга, с которой дана грамота, то "А.С. Лаппо-Данилевский заметил, что писцовая книга Нижнего Новгорода 1621–1622 гг. является одною из самых любопытных, а потому напечатание самой писцовой книги было бы весьма желательно", а С.Ф. Платонов добавил, что "было бы полезно при напечатании этой писцовой книги производить ее сличение с доставленною копией сотной и могущие встретиться существенные отличия отмечать в примечаниях"³. Издание писцовой книги было поручено Лаппо-Данилевскому.

Отношение Лаппо-Данилевского к научному учреждению, в котором он начал сотрудничать, было весьма критическим. Еще в июне 1889 г. он писал М.А. Дьяконову: "Начал я читать Рус[скую] историч[ескую] библиотеку"⁴. Прочел и думал написать отзыв Лисовскому⁵, но остановился в нерешительности. Представьте себе, что вторая книга записная Московского стола (книга полковым делам кн. Михаила Ал. Черкасского) есть ни что иное, как простая перепечатка той же книги, напечатанной в Разрядных книгах!⁶ Сделано это очевидно по незнанию издателя, который ничем не обмолвился в предисловии о том, что эта книга уже была издана, и говорит о *новых* материалах, которые она содержит. Затем опечаток много, между прочим: обратные деньги вместо оброчные; Козельский приказ, вероятно, вместо Казанский. Переписные книги Ростова второй половины XVII века – не переписные, а писцовые, и не просто выпись из них, а, очевидно, сотная выпись, притом не второй, а по всем вероятностям первой половины XVII века! И это издание учнейшего, патентованного учреждения!"⁷

Критические наблюдения А.С. Лаппо-Данилевского совпадают с отзывами С.Ф. Платонова, В.Г. Дружинина, отмечавших, что к началу 1890-х годов Археологическая комиссия переживала период застоя и упадка⁸. Новый подъем ее деятельности, наметившийся к концу этого десятилетия, был связан как раз с приходом в Комиссию молодых ученых, одним из которых был Лаппо-Данилевский.

Показательно, что достаточно случайное и по существу "краеведческое" предложение А.А. Титова немедленно получило у Лаппо-Данилевского не только отклик, но и развитие в целый небольшой издательский план. Как видно, вопрос об издании Нижегородской писцовой книги возник по его инициативе. Когда же ему было поручено редактировать издание этой книги, ученый предложил дополнить издание переписной книгой Нижнего Новгорода 1678 г.⁹ Таким образом, изданию подлежал уже целый комплекс нижегородских до-

² Там же. С. 180, 181.

³ Там же. С. 196.

⁴ Имеется в виду: РИБ. СПб., 1889. Т. XI. Записные книги Московского стола, 1663–1679 / Изд. под набл. А.И. Тимофеева.

⁵ В журнал "Библиограф", издававшийся Н.М. Лисовским.

⁶ См.: Книги разрядные по официальным оных спискам, изд. II Отделением собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1–2.

⁷ АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 698. Л. 1.

⁸ См.: Чирков С.В. Вопросы публикации летописей Археологической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974. М., 1975. С. 25.

⁹ ЛЗАК за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 26, 27.

кументов – писцовая книга 1621–1622 гг., сотная грамота, по ней составленная, и переписная книга 1678 г.

Так в индивидуальной издательской деятельности Лаппо-Данилевского проявлялась нарастающая в археографии конца XIX – начала XX в. тяга к систематическому изданию важных для науки исторических материалов. Особенно ярко сказалась эта тяга к системности изданий, призванной сменить случайность неупорядоченного издания разрозненных документов, в деятельности Археографической комиссии. В 1904 г. В.Г. Дружинин обстоятельно обосновал в Комиссии необходимость "выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщил бы последующим изданиям Комиссии характер систематического издания материалов"¹⁰. Думается, что и деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в области издания актов и писцовых книг, так же как и работа А.А. Шахматова в области публикации летописей, стала серьезной предпосылкой появления таких предложений. Не случайно, когда целью выработки строгого плана издания отдельных групп источников в Комиссии были учреждены редакционные совещания, Лаппо-Данилевский избирается председателем редакционного совещания по изданию актов и памятников юридического.

Как заметил А.Е. Пресняков, археографические работы Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии были связаны с теми архивными разысканиями, которые были начаты им для изучения "организации прямого обложения"¹¹. Действительно, введение к кормленной книге Костромской чети 1613–1627 гг.¹², издание писцовой и переписной книг XVII в. по Нижнему Новгороду и записной книги крепостным актам XV–XVII вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву¹³, публикация отрывков из дела о сборе земли, дров и денег на "емчужное дело" с погостов новгородских пятин XVI в.¹⁴ – относятся к области социально-экономической истории, которую Лаппо-Данилевский особенно тщательно изучал на первом этапе своей научной работы. В значительной мере именно этими научными интересами и была обусловлена его издательская активность в последнее десятилетие XIX в. В то же время, в ходе работы над изданиями в Археографической комиссии Лаппо-Данилевский приобретал опыт публикатора и навыки организатора научной работы, сделавшие его со временем одним из крупнейших представителей русской археографии.

Издание писцовых книг не было новым делом для Археографической комиссии: уже с 1859 г. печатались новгородские писцовые книги под редакцией П.И. Савvaitова и А.И. Тимофеева (в 1886 г. вышел четвертый том) и писцовые книги Ижорской земли под редакцией А.А. Куника. Сложилась устойчивая методическая традиция этой публикации. Когда за редактирование новгородских писцовых книг взялся С.К. Богоявленский, то в кратком предисловии к пятому тому он попросту сослался на те шесть пунктов правил, какие были предпосланы П.И. Савvaitовым первому тому издания¹⁵.

По-другому подошел к делу А.С. Лаппо-Данилевский. Отказавшись от традиционных кратких предисловий к документальным текстам, принятых в Археографической комиссии, он составляет предисловия весьма обширные, по существу, представляющие обстоятельные исследования публикуемых памятников. Уже в предисловии к кормленной книге Костромской чети Лаппо-Данилевский определяет особое место источника среди других аналогичных до-

¹⁰ ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 7.

¹¹ Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 100.

¹² ЛЗАК за 1888–1894 гг. Отд. II.

¹³ РИБ. СПб., 1896–1898. Т. XVII. Ч. 1–2.

¹⁴ РИБ. СПб., 1894. Т. XV.

¹⁵ Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. 5.

кументов, выясняет исключительно финансовую цель ее составления и показывает, какой большой материал для истории уездного дворянства представляет эта книга. Предисловие же к нижегородским писцовой и переписной книгам получило высокую оценку С.Н. Валка: "Предисловие в таком составе и в таком исполнении явилось в тогдашней археографии образцом теоретически продуманного, разностороннего его построения"¹⁶.

Рассматривая состав этого предисловия, С.Н. Валк отмечал, что, во-первых, в нем мы находим суждение "об общем историко-ведческом значении писцовых книг, как материала первостепенной важности для изучения истории тяглых классов русского общества XV–XVII вв."; во-вторых, сведения об истории составления издаваемых книг; в-третьих, дано палеографическое описание рукописей; в-четвертых, изложены приемы издания и, наконец, в-пятых, определен состав указателей¹⁷. Такой состав предисловия резко отличался от принятых в то время в Археографической комиссии образцов. Как можно видеть из краткого перечня его составляющих частей, он напоминает те исторические и археографические предисловия, какие получили распространение в научных изданиях 1940–1950-х годов. Таким образом, Лаппо-Данилевский пролагал новые пути в этой области археографической работы.

Особое внимание привлекает та часть предисловия к нижегородским писцовой и переписной книгам, где изложены приемы их издания. Речь здесь пока идет не обо всей сумме археографических приемов, а лишь о методах передачи текста. В преамбуле правил Лаппо-Данилевский указывает, что книги "воспроизведены без всяких сокращений" и затем детально формулирует принятые правила правописания, расстановки знаков препинания, расположения материала и обозначает приемы, введенные для облегчения пользования текстом.

Формулировки правил выглядят весьма необычно. В отличие, скажем, от правил издания грамот Коллегии экономии, здесь нет четких, определенных и не допускающих отклонений требований. Скорее в пунктах правил зафиксирован определенный этап исследования текста публикуемых памятников и вытекающие из установленных в ходе этого исследования свойств памятников особенности передачи их текста. Так, во втором пункте первого раздела правил (правописание) говорится: "Так как рукописи позднего происхождения и довольно бедны в лексическом отношении, то и безусловно точное воспроизведение оригинальных текстов оказалось во всем его объеме не всегда выполнимым, да и излишним". Далее перечисляются те отступления, какие были допущены сравнительно с оригинальным текстом, а в заключение раздела с редкой ученой добросовестностью обозначены рамки, в которых может найти применение осуществленное издание: "Естественно, что при таких условиях предлагаемое издание может указать филологу лишь то *направление*, в каком предлагаемые тексты *могут* иметь значение для истории русского языка, но не исключает для него необходимости обращаться к изучению самих рукописей"¹⁸.

Во втором разделе правил речь идет о расстановке знаков препинания, "которыми сами писцы пользовались редко и произвольно". Исходя из этого свойства текста, устанавливаются приемы синтаксического деления, причем еще детальнее оговорено: "Так как текст состоит из перечислений дворов и лавок"; "если в перечислении есть замечания о переходе их из рук в руки"; "в случае повторов того же"¹⁹. В третьем разделе замечается, что "в расположении

¹⁶ Копанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 84.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РИБ. Т. XVII. С. VIII–XI.

¹⁹ Там же. С. XI.

материала писцы XVII века поступали так же произвольно, как и в расстановке знаков препинания", а затем следует достаточно подробное описание особенностей публикуемых книг в этом отношении²⁰.

Таким образом, появляется ощущение, что мы присутствуем при самом зарождении правил, при формировании Лаппо-Данилевским издательских норм из свойств издаваемого и для этого изучаемого материала. Процесс этот, зафиксированный предисловием к нижегородским писцовой и переписной книгам, представляется тем более существенным, что на рубеже XIX и XX в. происходила смена типа научной культуры, переход от культуры обычая в деле издания исторических источников к культуре правил²¹. Предисловие Лаппо-Данилевского позволяет проследить этот процесс на его глубинном уровне, в проявлениях индивидуального творчества крупнейшего ученого-археографа переломной поры.

Новые элементы предисловия С.Н. Валк отметил и в подготовленной А.С. Лаппо-Данилевским публикации записной книги крепостным актам XV–XVII вв., предъявленным дьяку Алябьеву. Вслед за общей характеристикой источника, подробным палеографическим описанием (приведены филигранные, определены писцы) и указанием текстологических особенностей (повторы и пропуски текста, несогласованности) Лаппо-Данилевский вводит совершенно новый раздел – дипломатическую характеристику документов по разновременностям, которая дополнена алфавитной таблицей актов, включенной в состав указателей²². Здесь определенно наличествует подступ к разработке проблем дипломатики древнерусского частного акта как предварительному условию научного издания этих актов. Можно полагать, что в этом раннем издании мы имеем тот этап разработки научной археографии древнерусского акта, который предшествовал методическим достижениям Лаппо-Данилевского в издании грамот Коллегии экономии.

С.Н. Валк считал, что "Сборник грамот Коллегии экономии" обозначает новый этап русской археографии, впервые выводящий ее на путь передовых общеевропейских достижений. «Выход "Сборника" и "Правил его издания" знаменует переход от кустарного донаучного периода к научной археографии»²³. Думается, что рассмотрение осуществленных в Археографической комиссии ранних публикаций А.С. Лаппо-Данилевского позволяет выявить некоторые черты становления этой научной археографии и дает возможность утверждать, что его деятельность даже на раннем этапе не имела ничего общего с "кустарным периодом" археографии.

Любопытно также, что Лаппо-Данилевский хорошо представлял значение своих методических разработок в деле публикации документов. Во введении к записной книге дьяка Алябьева, говоря о приемах передачи текста, он отсылал читателя к уже выработанным для нижегородских книг правилам и указывал некоторые отступления от этих правил, сделанные в конкретном случае²⁴. Получается, что от первой попытки разработки правил издания проходила определенная последовательная линия, которая вела и далее, к разработке "Правил издания грамот Коллегии экономии". Как известно, эти последние формировались постепенно и не раз изменялись и перерабатывались ученым уже в ходе самого издания.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Чирков С.В. К истории разработки правил издания исторических документов в начале XX в. // АЕ за 1984 год. М., 1986.

²² См. об этом: Копанев А.И. Указ. соч. С. 84.

²³ Валк С.Н. Сборник грамот Коллегии экономии: Историогр. заметки // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 34.

²⁴ РИБ. Т. XVII. Ч. 2. С. VI.

Первые крупные публикации в Археографической комиссии содействовали совершенствованию археографического мастерства А.С. Лаппо-Данилевского и приобретению им ученого авторитета. При избрании его в академики в 1899 г. отмечалось, что издания, редактируемые Лаппо-Данилевским, отличаются "удачным и точным воспроизведением текстов, снабженных критическим аппаратом", и сопровождаются введениями, посвященными "ученой разработке той или другой специальной темы"²⁵. Лаппо-Данилевский и в дальнейшем деятельно сотрудничал в Археографической комиссии, к жизни и деятельности ее "относился с неизменным интересом и принимал живое участие во всех ее занятиях... и в разработке научных вопросов, в них рассматривавшихся"²⁶. Однако собственная археографическая работа ученого сосредоточилась в Академии наук. Основная причина, видимо, была в том, что Лаппо-Данилевский понимал работу в Академии как свой высокий моральный долг, выраженный однажды в словах: "Я думаю, что меня выбрали в Академию для того, чтобы я посвятил ей все свои силы, отдал ей всю свою работу"²⁷. Однако плодотворная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Археографической комиссии, открывавшая новые научные горизонты в отечественной археографии и дававшая выдающийся нравственный образец служения науке, не должна быть забыта.

А.А. Александров

**АКАДЕМИК А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ –
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ, БУМАГ И ПИСЕМ
ГРАФА М.М. СПЕРАНСКОГО**

"Всякая деятельность измеряется не только совершенным результатом, но и поставленными задачами"¹. Слова А.С. Лаппо-Данилевского уместно вспомнить, думая о месте в истории русской науки Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского. В 1916 г. авторитетные российские историки и архивисты объединились для подготовки полного собрания сочинений Сперанского, изучения архивных документов о его жизни и государственной деятельности². Председателем Комиссии был избран академик Лаппо-Данилевский, признанный научный руководитель публикаторской деятельности отделения исторических наук и филологии Академии наук. Для намеченного дела необходимы были его опыт, знания европейской практики, методика, выработанная при подготовке "Сборника грамот Коллегии экономии".

Еще в 1903 г. личность и деятельность М.М. Сперанского – автора плана преобразований – оказывается в сфере научных интересов Лаппо-Данилевского. Известно, что "главной книгой" ученого признавали исследование об "Истории политических идей в России в XVIII в. ...". Изучая историю проникновения в

²⁵ Цит. по: *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 84, 85.

²⁶ ЛЗАК за 1919–1922 гг. Л., 1925. Вып. 32. С. 11, 24.

²⁷ Цит. по: *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 164.

¹ Цит. по: *Пресняков А.Е.* А.С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 90.

² См.: *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 172–188.

Российскую империю западных концепций "государственного устройства", Лаппо-Данилевский осознал, что "придется заглянуть и в начало XIX в."³

План издания полного собрания сочинений Сперанского, начало разысканий в архивохранилищах – признание того, что научный мир "должен был заглянуть" в русскую историю начала XIX в. по-новому. Предшествующие десятилетия архивного поиска, публикаций показали, что необходим качественно новый этап работы над рукописным наследием Сперанского: выяснение судьбы его личного архива, выявление новых документов, тщательный текстологический и источниковедческий анализ.

Журналы Комиссии⁴ (председатель присутствовал на всех ее собраниях, подписывал журналы заседаний, исключением стал последний – от 8 октября 1918 г.), протоколы отделения исторических наук и филологии Академии показывают, что Лаппо-Данилевский своим личным долгом считал составление полного списка архивов, в которых предполагался поиск рукописей Сперанского. Председатель следил, например, за тем, чтобы собрание документов В.И. Семевского было доступно для изучения членов Комиссии. Ученый участвовал в выявлении автографов Сперанского, хранившихся в академических хранилищах. Лаппо-Данилевский контролировал составление полной библиографии работ Сперанского, исследований о государственном деятеле. Эту работу выполняли его ученики С.В. Вознесенский и С.Н. Валк.

Составление инструкции переписчикам было в центре внимания председателя, по его представлению текст был издан Академией наук. Именно в академической типографии должны были печататься тома трудов Комиссии. Лаппо-Данилевский ходатайствовал о публикации Академией и тех работ о Сперанском, которые готовили участники Комиссии самостоятельно (В.И. Семевский, А.Н. Макаров). Лаппо-Данилевский руководил всеми контактами с губернскими архивными комиссиями, учеными, коллекционерами, правительственными чиновниками. О полученных в дар рукописях, об обнаружении отдельных писем Сперанского он неоднократно сообщал на заседаниях отделения исторических наук Академии.

Специально изучалась судьба архива Сперанского. Особенно много было сделано И.А. Бычковым, кн. Н.Г. Голицыным, А.С. Шацкой. Об этом мы узнаем из подробного сообщения Лаппо-Данилевского отделению Академии наук. Оно сопровождалось просьбой об обращении от имени Академии за справками в тобольский и иркутский архивы, как и всегда предложение Лаппо-Данилевского было поддержано.

Выработка методики столь масштабного дела, подготовка инструкций переписчикам, разрешение вопросов о научно-справочном аппарате, издание Трудов, – все это было в поле зрения Лаппо-Данилевского.

Имя Сперанского – символ споров о реформе в России. Думается, и эта проблема привлекала Лаппо-Данилевского-философа к размышлениям над наследием Сперанского. Издание собрания сочинений политика – не только дань памяти достойному сыну отечества, но и обращение к прошлому для оценки современных преобразований (равно как и изучение истории русского права становилось, по мысли А.Е. Преснякова, для А.С. Лаппо-Данилевского насущной необходимостью⁵). С.Ф. Ольденбург вспоминал слова А.С. Лаппо-Данилевского о русских ученых – через их научную работу "проходит одно настроение, одно чувство, одна мысль: их работа связывается с жизнью, с тем, что мы в

³ Цит. по: Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 9.

⁴ СПб. ФА РАН Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Л. 6–7 об., 13–13 об., 47 и след. Изучение материалов личного фонда А.С. Лаппо-Данилевского в СПб. ФА РАН – дело будущего.

⁵ Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский. С. 83.

России зовем идеею"⁶. В 1917 г. Лаппо-Данилевский принимал участие в законотворческой деятельности Временного правительства⁷. И.М. Гревс писал, что ученый стремился спасти родину, сохранить культуру, "*организуя свободу*" (курсив наш. – А.А.)⁸. Последние слова очень характерны, в них точка совпадения в мышлении Сперанского и Лаппо-Данилевского: стремление сконструировать гармонию свободы и государственной власти, права и ответственности, реформы и стабильности.

Собрание сочинений не увидело свет. Оно не могло осуществиться в исторический период, который, как заметил Лаппо-Данилевский "не особенно располагает к отвлеченному занятиям"⁹.

Привлечение своего университетского ученика С.Н. Валка к работе Комиссии – один из последних шагов А.С. Лаппо-Данилевского на посту председателя. В 1961 г. под редакцией С.Н. Валка было опубликовано лучшее в XX в. издание важнейших проектов и записок М.М. Сперанского¹⁰.

Ф.Г. Тараторкин

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ "ИСТОРИИ РОССИИ" НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (1915–1918 гг.)

Общеизвестно большое значение деятельности А.С. Лаппо-Данилевского по организации международного сотрудничества историков. Наиболее активный период этой деятельности приходится на 1910-е годы, когда Лаппо-Данилевский принимает участие в работе Международной ассоциации академий, в подготовке международных исторических съездов, один из которых по его инициативе предполагалось провести в 1918 г. в Петербурге¹. Постоянные научные контакты связывали Лаппо-Данилевского с ведущими учеными европейских стран, его сочинения печатались на иностранных языках².

Значительное место в кругу профессионального общения Лаппо-Данилевского занимали британские историки³. В 1916 г. Лаппо-Данилевский стал почетным доктором Кембриджского университета. В личном фонде Лаппо-Данилевского (СПб. ФА РАН) отложилась его переписка с британскими коллегами на английском языке, охватывающая период 1911–1918 гг. В ее составе – документы по истории неосуществленного проекта создания "Истории России" на английском языке. Участие Лаппо-Данилевского в подготовке этого издания не нашло отражения в литературе об ученом. А.И. Андреев ограничивается указанием на то, что "ввиду желательности издания на английском языке истории

⁶ *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 179.

⁷ Отчет о деятельности Российской академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. Пг., 1917. С. 25.

⁸ *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 79.

⁹ Цит. по: *Шмидт С.О.* Привлечение интеллигенции к советскому строительству // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 165.

¹⁰ *Сперанский М.М.* Проекты и записки / Подг. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина: Под. ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961.

¹ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С. 6–7; *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 42–43.

² Материалы для биографии... С. 29, 31, 35.

³ *Todds A.S.* Klyuchevski's "Course of Russian History" in English // *Russian History Review*. 1915. № 2. P. 20–28.

России А.С. Лаппо-Данилевский вместе с проф. Ф.А. Гольдером организовал в 1918 г. работы по ее составлению"⁴.

Документы фонда проясняют судьбу несостоявшегося проекта.

В мае 1915 г. группа английских историков обратилась в Российскую академию наук с предложением о создании русскими историками развернутого обобщающего курса истории России для англоязычного читателя⁵. Задачей издания, по замыслу оксфордского профессора Ф. Гольдера, было "ознакомление английского читателя с фактами и известными ему крупными вехами русской истории" (Д. 185. Л. 25). Для осуществления этой задачи инициаторы работы предполагали привлечь к подготовке многотомника "наиболее авторитетных русских историков" (Л. 25). И обратились к А.С. Лаппо-Данилевскому с просьбой подобрать и возглавить авторский коллектив. Авторы официального письма академику Ф. Гольдер и председатель секции истории и археологии Британской академии наук Дж. У. Протеро предлагали А.С. Лаппо-Данилевскому стать главным редактором и содиректором издания (Оп. 2. Д. 66. Л. 8). Черновик ответа ученого на это первое письмо английских историков в фонде А.С. Лаппо-Данилевского не обнаружено.

Вероятно, в течение года все же шли переговоры, одной из проблем могло быть финансирование проекта. Неизвестно, почему основной заказчик работы Оксфордский университет не взял на себя расходы по изданию. В марте 1916 г. А.С. Лаппо-Данилевский получил сообщение о согласии американского Университета Джорджа Вашингтона напечатать многотомник в своей типографии и принять участие в его финансировании (Оп. 3. Д. 313. Л. 3). По неизвестным же причинам с марта 1916 г. издание, ранее в переписке именовавшееся пятитомником, английская сторона начала называть четырехтомником (Л. 4).

Практическая работа началась в апреле 1916 г. 13 апреля Лаппо-Данилевский в письме Гольдеру сообщает о состоявшейся у него встрече с "М.А. Дьяконовым, Пресняковым, Корниловым, Барсковым, Рождественским и договоренности с отсутствовавшими, но согласившимися принять участие в работе Приселковым, Вернадским и Шахматовым" (Д. 300. Л. 23). Нам неизвестно, имели ли английские заказчики собственный замысел предполагаемого издания, доводили ли до сведения Лаппо-Данилевского свои соображения о структуре и тематике книги. Но в том же, отличающемся деловым стилем, письме Лаппо-Данилевский приводит возможную "схему издания" (Л. 23 об.)⁶. "Т. 1. 1. Историография (т.е. история русской истории) – Лаппо-Данилевский; 2. Славянские древности – Шахматов; 3. Киевская Русь – Приселков; 4. Литовская Русь – проф. Пресняков; 5. Московская Русь – Дьяконов, проф. Рождественский, Платонов (?). Т. 2. 1. Петр Великий и проч. – проф. Богословский (?); 2. Его преемники – проф. Поливектов, проф. Готье (?) и др.; 3. Екатерина Вторая – проф. Кизеветтер (?), Лаппо-Данилевский, Барсков и др. Т. 3. Александр I, Николай I, Александр II и III – Корнилов [А.А.], проф. Поливектов и др. Т. 4. Редактор для этого тома еще не найден" (Л. 24–25).

В приведенном наброске фамилии М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера и С.Ф. Платонова помечены вопросительными знаками. Известно, что с Богословским Лаппо-Данилевский беседовал по поводу его участия в издании в 1917 г.⁷, т.е. спустя по меньшей мере десять месяцев после отправления

⁴ Материалы для биографии... С. 8.

⁵ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 127. Л. 1–2 (далее ссылки на этот фонд даются в тексте статьи).

⁶ На этом листе рукой Лаппо-Данилевского сделана пометка "Послано 14 апреля".

⁷ Письма Богословского Лаппо-Данилевскому, свидетельствующие о его участии в подготовке четырехтомника, см.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 141–142, 190.

цитированного письма, хотя у нас нет оснований утверждать, что это был их первый разговор по данному вопросу. Кизеветтер, первоначально отказывавшийся от работы (Д. 271. Л. 1), позднее все-таки принимал деятельное участие в собраниях авторов (Л. 2). О периодичности таких собраний, их характере и составе участников мы ничего не знаем. Известно лишь, что они проводились Лаппо-Данилевским дома (об этом свидетельствует открытие академика Г.В. Вернадскому⁸), и в них принимал участие Е.Ф. Шмурло, дважды уточнявший время встреч (Д. 268. Л. 1–3). Видимо, к работе над многотомником был привлечен М.К. Любавский, в письме на бланке ректора Московского университета (сентябрь 1916 г.) уточнявший сроки сдачи материалов (Д. 299. Л. 1). В отношении Готье и Платонова определенных дат нет. В недавно опубликованном дневнике Готье о подготовке четырехтомника ничего не говорится, а исследователи творчества Платонова о факте его работы в авторском коллективе под руководством Лаппо-Данилевского не сообщают.

В фонде Лаппо-Данилевского материалы авторов англоязычной "Истории России" отсутствуют. Поэтому о том, каков был окончательный круг авторов, мы судить не можем. Должно быть, авторы запаздывали со сдачей рукописей и Лаппо-Данилевский торопил их⁹. В результате первоначально установленный еще в апреле 1916 г. (Д. 131. Л. 5) контрактный срок (до 15 мая 1917 г.) был продлен, как явствует из черновика письма Лаппо-Данилевского Любавскому от 20 августа 1917 г. (Д. 252. Л. 6) Богословский датой сдачи окончательного текста называет 15 мая 1918 г.¹⁰ Вполне понятно, что Богословского интересовало, состоится ли издание вообще "при столь изменившихся наших отношениях с союзниками, а также и при столь изменившихся условиях печатания, когда многие издания приостанавливаются"¹¹.

Но трудности в осуществлении замысла возникли еще раньше. Об этом можно судить по письму члена редколлегии несостоявшегося издания профессора Н.К. Кейнса (N.K. Kaines) Лаппо-Данилевскому, отправленному в июле 1917 г. Это, по сути, единственный документ, немного проясняющий характер взаимодействия российских авторов с англичанами. Кейнс упоминает других членов редколлегии, посылавших Лаппо-Данилевскому письма и прежде (Оп. 2. Д. 66. Л. 19). т.е., видимо, в первом полугодии 1917 г. переписка, до нас не дошедшая, продолжалась. Ссылаясь на предшествующую переписку, Кейнс выражает надежду, что "разногласия, сколь бы серьезными они ни были, удастся преодолеть" (Л. 19 об.) И хотя ко времени получения Лаппо-Данилевским письма Кейнса контрактный срок уже продлен, английский профессор сожалеет, что "из-за профессиональных споров нависла угроза над изданием книги" (Там же). Вполне возможно, что упоминание о "профессиональных спорах" не требовало дальнейшего раскрытия. Есть свидетельства, что во время поездок в Англию в 1915–1916 гг. Лаппо-Данилевский неоднократно обсуждал с английской стороной вопросы, связанные с подготовкой четырехтомника. Ф. Гольдер в письме от 12 мая 1917 г. напоминает своему российскому коллеге о тех "важных для нас обоих и для будущей книги" (Л. 12) разговорах, которые у них состоялись в Лондоне и Оксфорде. Никаких более непосредственных сведений о причинах и характере возникших между английскими кураторами и российскими авторами разногласий в переписке нет.

Одной из версий может дать косвенное подтверждение факт опубликования

⁸ ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

⁹ Богословский М.М. Указ. соч. С. 141.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

в Англии весной и летом 1917 г. статей У. Морфилла и Г. Эдвардса – исследователей, стоявших у истоков научной россики как новой предметной области британской исторической науки рубежа XIX–XX в. Признавая, что "в Англии формируется собственная научная школа россиеведения"¹², Морфилл призывал своих коллег «соединить усилия по созданию научной "Истории России" для британского читателя»¹³. Морфиллу вторит Эдвардс: "настало время тем, кто профессионально занимается русской историей в Англии, начать совместные исследования, результатом которых могла бы стать книга по истории России для наших читателей"¹⁴. Таким образом, небезосновательной представляется версия, по которой научная конкуренция должна быть признана одним из побудительных мотивов к началу тех профессиональных споров, о которых пишет Лаппо-Данилевскому Кейнс, и которые поставили под угрозу запланированное издание. Обратим внимание также на то, что ни Ф. Гольдер, ни Дж. У. Протеро, явившиеся основными инициаторами издания, специалистами по истории России не были и в корпорацию ученых россиеведов (а по утверждению одного из наиболее авторитетных россиеведов начала XX в. Б. Пейрса, "дух научного содружества и корпоративной солидарности среди немногих специалистов по русской истории весьма силен"¹⁵) не входили.

После установления нового срока сдачи материалов для многотомника переписка Лаппо-Данилевского с Гольдером, видимо, продолжалась. Черновик последнего из сохранившихся в фонде писем академика в Англию датирован 5 марта 1918 г. и содержит подтверждение ранее установленного контрактного срока (Д. 300. Л. 25). Ответа на это письмо, как и на почти одинаковое по содержанию письмо Лаппо-Данилевского Протеро от 24 февраля 1918 г. (Л. 28–28 об.) среди документов фонда нет. Но есть открытка П.Г. Виноградова А.С. Лаппо-Данилевскому от 7 апреля 1918 г. (Д. 299. Л. 4). Речь в ней идет о "неоднократных встречах с Протеро и Гольдером", в результате которых Виноградов "вынужден признать полный неуспех любых с ними переговоров".

Наконец, последнее упоминание несостоявшегося проекта содержится в письме Любавского Лаппо-Данилевскому (июль 1918 г.), написанном уже после истечения контрактного срока и поэтому свидетельствующем о полной неудаче проекта. Любавский отмечает, что "многое не завершается, по несколько дел приходится бросать в половине, и не по своей вине, а по вине обстоятельств, от нас не зависящих, как, например, в случае с английским четырехтомником" (Д. 272. Л. 16). Таким образом, складывается впечатление, что основной причиной продления сроков подготовки, а впоследствии и сворачивания работ по подготовке четырехтомной "Истории России" на английском языке первоначально явились существенные расхождения в представлениях об издании английских заказчиков и российских авторов. Лишь впоследствии главными и непреодолимыми окажутся внешние препятствия, совсем не научного происхождения. После 1918 г. подобный проект уже не мог бы осуществиться даже и при условии полного идейного согласия сторон.

Вопрос о роли А.С. Лаппо-Данилевского в неосуществленном проекте создания "Истории России" на английском языке нельзя признать проясненным до тех пор, пока не изучены документы британских научных архивов по истории вопроса. Но это тема особого сообщения.

¹² *Morfill W.R. Rec. ad op.: Wallace D.M. Russia. L., 1877 // Fortnightly Review. 1891. № 14. P. 101–102.*

¹³ *Morfill W.R. Op. cit. P. 101.*

¹⁴ *Edwards H.S. Baring's "Russian People" // Russian History Review. 1917. № 1. P. 90.*

¹⁵ *Taylor B.H. Klyuchevski and Pares // The Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 2. P. 218.*

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕЙНОГО КОНТЕКСТА "МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ" А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В отечественной социально-гуманитарной мысли сознательное различие собственно философии истории, как учения об историческом бытии, от логико-методологического обоснования (теории/эпистемологии) исторического знания, с наибольшей отчетливостью выявилось в начале XX в. Кризис исторической науки в Западной Европе и в России, прежде всего кризис ее оснований; понимание невозможности постижения полноты исторического бытия с позитивистских, механицистских и органицистских позиций; своего рода "претензия" общесоциологического знания (социологического метода) на статус социально-философской теории (теории исторического процесса / теории общества) – все эти моменты определили пристальный интерес ряда отечественных философов и историков к логико-методологическим, теоретико-познавательным проблемам исторической науки.

Сложившаяся к началу XX в. ситуация еще не получила адекватного историографического освещения. Наибольшее внимание привлекают субстанциональные проблемы философии истории, т.е. существовавшие в XIX – начале XX в. версии учения об историческом бытии, и прежде всего, русская историософия. Характерно следующее утверждение в статье "Философия истории в России", помещенной в новейшем энциклопедическом издании: «...Хотя в философии истории и отдается предпочтение интерпретации исторического бытия, было бы неверно утверждать, что ее не интересовали проблемы специфики исторического познания. Но поскольку русская философская мысль никогда не была бесстрастным теоретическим пониманием мира, вопрос об истине для нее всегда выступал не только в смысле адекватности теории действительности, но и в соотношении ее с категорией "правда", несущей в себе большой нравственно-практический потенциал, побуждающий к стремлению не только понять мир, но и преподать ему идеал Истины, Добра и Красоты»¹.

Исходя из этого постулата, в статье, именуемой "Философия истории в России", рассматривается исключительно развитие историософской проблематики.

Подобная историко-философская реконструкция нуждается в корректировке. В конце XIX – начале XX в. с фундаментальными работами по проблемам методологии исторической науки (и социально-гуманитарного знания в целом) выступил ряд выдающихся отечественных историков, философов, социологов и правоведов, принадлежащих к различным мировоззренческим

¹ Новикова Л., Сиземская И. Философия истории в России // Русская философия: Малый Энциклопедический Словарь. М., 1995. С. 542. См. также: Новикова Л., Сиземская И. Русская философия истории // ВРАН. М., 1995. Т. 65. № 4. С. 304–311; Они же. Парадигма русской философии истории // Свободная мысль. М., 1995. № 5. С. 42–54. В фокусе сегодняшних историко-философских и историографических штудий – почти исключительно пути и судьбы отечественной религиозной философско-исторической мысли (православной историософии / теологии истории). Интерес к наследию русского исторического позитивизма, характерный для историографической ситуации предшествующих лет, почти сходит на нет. Можно назвать лишь последнюю статью: Нечухрин А.Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории: (На материале отечественной историографии) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1994. Вып. 21. С. 159–184.

ориентациям²: Н.Н. Алексеев, П.М. Бицилли, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Некрасов, Д.М. Петрушевский, Н.Н. Рожков, Е.В. Спекторский, Е.В. Тарле, Н.Ф. Федоров, С.Л. Франк, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, А.А. Чупров, Г.Г. Шпет, а также П.Н. Ардашев, Н.М. Бубнов, Н.Н. Козьмин, А.А. Малинин, А.Н. Фатеев и др.

В этом списке – и теоретики, специально изучавшие проблемы взаимоотношения социальных (гуманитарных) и естественных наук с неокантианских позиций³; и историки, допускаящие "слабые" версии различия методологии истории и философии истории⁴; и Н.И. Кареев, за более чем полувековой период своей научной деятельности прошедший путь от чисто позитивистской интерпретации философии истории к более эклектичному ее толкованию (учитывающему и другие идейные основания) и различению теории исторического процесса и теории исторического знания⁵.

Наиболее "сильная" версия дисциплинарного самоопределения методологии исторической науки и наиболее глубоко разработанная программа эпистемологического изучения исторического знания принадлежит А.С. Лаппо-Данилевскому⁶. Если исходные позиции Лаппо-Данилевского близки риккертIANству, то философские основы программы изучения исторического знания, намечаемой Г.Г. Шпетом, прежде всего связаны с феноменологией Э. Гуссерля⁷. Обе эти программы роднит отчетливое разграничение статуса и смысла философии истории и теории исторического знания.

Истинное значение этих вершинных достижений отечественной исторической эпистемологии в полной мере начинает осознаваться лишь сегодня.

Симптоматично, что и "Методология истории" Лаппо-Данилевского, и "История как проблема логики" Шпета вызвали лишь несколько, весьма сдержанных оценок у Л.П. Карсавина. Философу и религиозному мыслителю оказался чужд

² Определяющее воздействие сыграла рецепция неокантианских и феноменологических идей в России и, прежде всего, ожесточенная полемика вокруг трудов представителей баденской школы, в том числе их переводов на русский язык: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. С.О. Гессена. СПб., 1911; *Он же.* Границы естественно-научного образования понятий: Логическое введение в историю науки / Пер. с нем. А. Водена. СПб., 1903; *Виндельбанд В.* История и естествознание // *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904.

³ *Алексеев Н.Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении методов. М., 1912. Ч. 1; *Кистяковский Б.А.* Социальные науки: очерк по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916; *Петрушевский Д.М.* О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // *Он же.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917; *Спекторский Е.В.* Очерки по философии общественных наук. Варшава, 1907; *Он же.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Варшава, 1917. Т. 1, 2; *Хвостов В.М.* Науки об общем и науки об индивидуальном // *Вопр. философии и психологии.* М., 1910. Кн. 103. С. 340–367; *Чупров А.А.* Науки номографические и науки идеографические // *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1910. С. 39–128.

⁴ *Ключевский В.О.* Методология истории // *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. VI. С. 5–93, 392–401; *Бубнов Н.М.* Пособие по методологии истории. Киев, 1911; *Виппер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911; *Он же.* Кризис исторической науки. Казань, 1921; *Козьмин Н.Н.* Исторический метод исследования. Красноярск, 1914; *Хвостов М.М.* К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 791–824; *Он же.* Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913.

⁵ *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. СПб., 1883. Т. 1; 1883. Т. 2; 1890. Т. 3; *Он же.* Историология: (Теория исторического процесса). Пг., 1915; *Он же.* Историка: (Теория исторического знания). Пг., 1916.

⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Изд-е 3. Пг., 1923. Вып. 1; *Он же.* Методология истории. СПб., 1913; Вып. 2; *Он же.* Методология истории. Ч. 2. Методы исторического изучения. Отд. 2. Методология исторического построения. СПб., 1910.

⁷ *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. М., 1916. Ч. 1; *Он же.* История как предмет логики // *Науч. известия.* М., 1922. № 1; *Он же.* Герменевтика и ее проблемы // *Контекст.* 1989. М., 1989. С. 231–268; *Контекст.* 1990. М., 1990. С. 219–261; *Контекст.* 1991. М., 1991. С. 215–255; *Контекст.* 1992. М., 1993. С. 251–284.

и пафос различения философии истории и методологии истории, и критический логизм мышления Лаппо-Данилевского⁸. Более удивительно, что книги Лаппо-Данилевского и Шпета не вызвали серьезного отклика у С.Л. Франка⁹.

Своеобразие и неочтенная в полной мере глубина философско-методологических воззрений А.С. Лаппо-Данилевского на природу исторического знания становятся особенно рельефны на фоне охарактеризованной выше вариативности взглядов на соотношение философии историков и методологии исторической науки.

Л.Н. Простоволосова

О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ЗАСЕДАНИИ ПАМЯТИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ (1944 г.)

50 лет назад, в феврале 1944 г. в Историко-архивном институте было написано следующее объявление: "В связи с 25-летием смерти академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в понедельник 7-го февраля 1944 г. в 2ч[аса] состоится совместное заседание кафедр истории СССР и вспомогательных дисциплин Историко-архивного института ГАУ НКВД СССР.

Повестка заседания:

А.И. Андреев, доктор исторических наук, – Труды А.С. Лаппо-Данилевского по источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам и археографии.

Приглашаются преподаватели, аспиранты, студенты"¹.

Тогда (как впрочем и сейчас) в институте, пожалуй, любой студент или преподаватель знал это имя. Студенты потому, что в курсах по дипломатике и источниковедению ученик академика профессор Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) читал специальную лекцию "Лаппо-Данилевский и его труды по русской дипломатике"²; преподаватели потому, что знали работы и деятельность А.С. Лаппо-Данилевского, но относились к нему по-разному – от объективного признания научных заслуг ученого до открытой враждебности и борьбы с его идеями.

Отношение к наследию А.С. Лаппо-Данилевского на долгие годы стало "тестом" для проверки идеологической зрелости советского ученого. Сохранение традиций, преемственности в науке в тех условиях, когда труды Лаппо-Данилевского не переиздавались (но критиковались), стало возможным лишь через преподавание. Школа Лаппо-Данилевского была представлена крупными фигурами историков, архивистов, археографов, источниковедов, таких как С.Н. Валк, Б.А. Романов, А.И. Андреев и др.³ Наиболее полно идеи Лаппо-Данилевского (понятие учения об источниках, их познавательных свойствах, способах отражения в них исторической реальности, приемов критического

⁸ Карсавин Л.П. Введение в историю: (Теория истории). Пг., 1920; *Он же*. Философия истории. Берлин, 1973; *Он же*. Русская философия истории // Ступени (СПб.). 1992. № 3. С. 36–57.

⁹ Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922. *Он же*. О задачах обобщающей социальной науки // Мысль (СПб.). 1922. № 3. С. 36–64.

¹ СПб. ФА РАН. Ф. 934 (А.И. Андреев). Оп. 1. Д. 409. Л. 392.

² Там же. Д. 414. Л. 150 и др.; Д. 418. Л. 19 и др.

³ См.: Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 311.

анализа, проверки достоверности исторических свидетельств и т.д.) воспроизводил и разрабатывал в своей педагогической практике Андреев, приглашенный после смерти А.Н. Сперанского (1891–1943) летом 1943 г. заведовать кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института⁴. По словам Л.В. Черепнина, Андреева отличала "...любовь к историческому источнику, умение показать его во всем своеобразии породивших его социально-экономических и политических явлений, способность полноценно использовать его для объяснения исторической реальности"⁵. Эта черта "научного почерка" Андреева была воспитана Лаппо-Данилевским, учившим своих учеников "самому ценному – умению работать над историческим материалом"⁶.

Вероятно, окружавшая Лаппо-Данилевского и его учеников исключительная атмосфера, "где знания и наука поднимались на надлежащие свои абсолютные места"⁷ не давала возможности нравственного падения. Отречение от своего учителя одновременно явилось бы и отречением от науки. Во всех автобиографических документах Андреев при всех обстоятельствах (поступления на работу, нахождения под арестом, составления справок на представления к наградам, избрания в АН, оправданий по поводу "преклонения перед Западом" и др.) всегда указывал, что считает своими учителями А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова⁸.

В 1909 г. Андреев стал студентом Историко-филологического факультета Петербургского университета, свидетельство об окончании которого получил в мае 1916 г.⁹ Довольно рано определились интересы молодого ученого – русская история и вспомогательные исторические науки. С большим увлечением и интересом он работал в кружке Лаппо-Данилевского по составлению каталога частных актов Московского государства (став и его первым историографом)¹⁰, в Постоянной исторической комиссии. Лаппо-Данилевский привлек Андреева к работе Постоянной исторической комиссии (1913). В 1922 г., "принимая во внимание, что А.И. Андреев является одним из весьма немногих у нас специалистов по русской дипломатике, прошел отличную археографическую школу под руководством А.С. Лаппо-Данилевского и приобрел значительный опыт по изучению, классификации, разработке и изданию актового материала в многолетней работе над составлением систематического каталога русских частных актов и над изданием Грамот Коллегии экономии, а в настоящее время привлечен к ответственной работе в Археографической комиссии по изданию архива Н.П. Лихачева...", он был единогласно избран в члены Комиссии¹¹.

После кончины А.С. Лаппо-Данилевского (7 февраля 1919 г.) А.И. Андреев

⁴ См. подробнее: *Преображенский А.А.* Творческий путь А.И. Андреева // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 113–121; *Сербина К.Н.* Александр Игнатьевич Андреев // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 477–482; *Она же А.И.* Андреев – ученый и педагог: (Из воспоминаний об учителе) // ВИД. Л., 1985. Т. XVII. С. 357–363; *Простоловова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с. и др.

⁵ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.

⁶ Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому... С. III.

⁷ *Валк С.Н.* Воспоминания ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 193.

⁸ См. подробнее: *Щедрова И.М.* Автобиографические материалы А.И. Андреева 1940-х годов: Источников. анализ (Дипл. работа). М.: РГГУ. ИАИ, 1992. 182 с. Биб-ка ИАИ РГГУ.

⁹ СПб. ФА РАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.

¹⁰ *Андреев А.И.* Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частно-правовых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому... С. 1–7.

¹¹ Извлечение из протоколов заседаний Археографической комиссии за 1919–1922 гг. // ЛЗАК. Пг., 1923. Вып. 32. С. 78–79.

участвует (под руководством М.А. Дьяконова) в разборе литературного наследия ученого¹², готовит к публикации воспоминания и статьи о Лаппо-Данилевском. Ему удается закончить издание первого тома "Сборник грамот Коллегии экономии", отпечатать правила издания этого сборника и "Терминологический словарь частных актов Московского государства", а затем и издать "Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского" (Л., 1929). В октябре 1940 г. выступая на защите докторской диссертации А.И. Андреева, Б.Д. Греков (кстати также один из участников Кружка) расценил научную деятельность Андреева за 25 лет "как развитие все одной и той же линии работы в области источниковедения и вспомогат[ельных] исторических наук; все основные старые... работы были охарактеризованы очень хорошо; было сказано, что в богатом наследии А.С. Л[аппо]-Д[анилевского] именно его работы по источниковед[ению] представляют наибольшую ценность и продолжателями его являются В[алк] и А[ндреев], многочисленные ученики которого работают не только в ЛОИИ, но и здесь, в Москве"¹³.

Приход и работа А.И. Андреева в ИАИ, где он получил возможность общаться со студенческой аудиторией, коллегой по кафедре (Л.В. Черепнин) рассматривались как важный этап в биографии Андреева "не менее существенный, чем его юношеское участие в кружке руководимым Л[аппо]-Д[анилевским]"¹⁴. Однако так думали далеко не все. Чтение курсов "по Лаппо-Данилевскому" вызвало настороженность и недовольство¹⁵. Научный авторитет Андреева был достаточно высок, к его мнению о принципах преподавания в ИАИ прислушивались. В споре между "историками" и "архивистами" о том, какое место в учебных планах должны занимать исторические и архивоведческие дисциплины Андреев, получивший университетское образование, стоял на позициях "историков", за широкую подготовку специалистов, отмечая, "что основная дисциплина, которая руководит в этой работе – это история СССР"¹⁶, что без значения вспомогательных исторических наук не может быть историка-архивиста.

Иных позиций придерживался профессор В.В. Максак (1886–1964), заведующий кафедрой истории и организации архивного дела в СССР, недовольный положением специалистов по архивному делу в ИАИ: их "еле терпят, да, пожалуй, и не терпят, ущемляют как угодно", возрождая в преподавании программы и традиции Археологических институтов¹⁷. С полным основанием он считал (как секретарь партбюро ИАИ), что необходим контроль "в деле идеологической выдержанности преподавания", между тем на кафедре вспомогательных исторических дисциплин "особо выдвигалась фигура Лаппо-Данилевского без учета его политического облика"¹⁸. С "фавором", в котором "существовал Лаппо-Данилевский... в институте"¹⁹, стали бороться не только с профессорских кафедр. Дирекция ИАИ отменила заседание памяти ученого. По воспоминаниям Н.Ф. Демидовой (бывшей тогда аспиранткой кафедры), она

¹² СПб. ФА РАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 346.

¹³ Там же. Ф. 742. Оп. 2. Д. 1. Л. 29–29 об.

¹⁴ АРАН. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 18. Л. 15 об. – 16.

¹⁵ Ср. письма В.И. Зеленецкой и Е.И. Каменцевой 1943–1944 гг. Н.В. Устюгов // АРАН. Ф. 1535. Оп. 4. Д. 99, 110.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 28. Л. 19. Проблема подготовки кадров историков-архивистов остается весьма актуальной и в настоящее время. В феврале 1994 г. в ИАИ прошла конференция "Архивное образование: Вчера, Сегодня, Завтра", на которой был прочитан доклад А.В. Попова "Соотношение архивных и исторических дисциплин в период становления МГИАИ (1931–1941 г)". См. подробнее: Вестн. архивиста. 1994. № 4 (22). С. 59–81.

¹⁷ АРАН. Ф. 1646. Д. 1307. Л. 6.

¹⁸ ЦАОД г. Москвы. Ф. 2412. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.

¹⁹ ЦМА г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 456. Л. 62.

вывешивала объявление, то самое, которое сохранилось в архиве А.И. Андреева²⁰. В дневниковых (разрозненных) записях Андреева есть сведения об этом "примечательном дне" (выражение А.И.). 7 февраля 1914 г. "сообщено о взятии русск[ими] войсками Софиевки – родины А.С."²¹, упоминает он и о заседании – "...пришлось отменить из-за боязни заведу[ющего] учебн[ой] частью Ист[орико]-Арх[ивного] и[нститу]та А.И. Гуковского "как бы чего не вышло", хотя при этом была какая-то неопредел[енная] ссылка на Никитинского"²². 7 сентября 1947 г. он опять возвращается к этому событию, вероятно, разбирая бумаги, делает обычную для него памятную запись: "Это объявление было подготовлено к предполагававшемуся заседанию памяти А.С. Лаппо-Данилевского (25-летие кончины), – заседание не состоялось в виде происков В.В. Максакова и К^о; зам. дир[екто]ра А.И. Гуковский в туманных выражениях предложил мне отказаться от устройства заседания, хотя до того соглашался..."²³

И только в апреле 1949 г. на заседании Ученого Совета ИАИ, обсуждавшего доклад Л.В. Черепнина "А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед", И.Л. Маяковский объяснит, что узнав о готовящемся расширенном собрании обратился к В.В. Максакову: "Можем ли мы это допустить, дирекция не отменила, и мы должны были обратиться в ГАУ, и благодаря ГАУ это собрание не состоялось"²⁴.

В феврале 1944 г. только боялись, "как бы чего не вышло", еще только собирались факты неверного понимания исторических событий с точки зрения марксистско-ленинской методологии, еще не было проведено совещание историков в ЦК ВКП(б), вопрос о замене Андреева только "ставился"²⁵, еще не прошла печально известная кампания борьбы с буржуазным космополитизмом в исторической науке, в результате которой Александр Игнатьевич был вынужден уйти из ИАИ. Еще был впереди его последний учебный 1948/49 учебный год, последний курс лекций по дипломатике, включавший лекцию о Лаппо-Данилевском, в которой ученый обращался к дням своей молодости, вспоминая о семинариях А.С. по русской дипломатике, работе кружка, подготовке каталога частных актов Московского государства, характеризовал педагогические курсы А.С. Лаппо-Данилевского, знакомя студентов с их проблематикой, идеями, разрабатываемыми А.С. в "Методологии истории"²⁶.

Но и много лет спустя после "вскрытия реакционной сущности" трудов Лаппо-Данилевского, "товарищеской критики" заблуждений Андреева его оппоненты боялись "рецидивов". В этом смысле весьма замечательно письмо ученика Максакова, преемника Александра Игнатьевича по кафедре, В.И. Самойлова, написанное последним Максакову 6 августа 1958 г. Речь в нем, среди прочих тем, шла о работе Археографической комиссии и о Лаппо-Данилевском, – вопрос о котором "рано или поздно... встанет в сфере внимания организованной в прошлом году Археографической комиссии. А по части своего состава, она несколько смахивает на Беловежскую пушу, причем определенно можно сказать, что под эгидой М.Н. Тихомирова в ней особенно бурную деятельность развернут А.И. Андреев, Н.В. Устюгов и А.А. Зимин – давний приверженец Андреева, это видно из программы работ комиссии. Да и вообще трудно было бы ожидать, чтобы А.И. Андреев и К^о занялись изучением приемов издания

²⁰ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 22.

²¹ СПб. ФА РАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 22. Л. 119.

²² Там же. Л. 119 об.

²³ Там же. Д. 409. Л. 391.

²⁴ ЦМА г. Москвы. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 456. Л. 62.

²⁵ ЦАОД г. Москвы. Ф. 82. Оп. 17. Д. 15. Л. 48–48 об.

²⁶ СПб. ФА РАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 418.

документов, скажем, комбедов, а также обобщением опыта издательской деятельности архивных органов. Так что надо быть начеку"²⁷.

И, действительно, Археографическая комиссия по инициативе ее председателя С.О. Шмидта (ученика М.Н. Тихомирова) проводя заседание, посвященное 75-летию со дня смерти А.С. Лаппо-Данилевского, исправляет ту несправедливость, которая в 1944 г. была допущена по отношению к его памяти. И на этом заседании доклад о заслугах Лаппо-Данилевского и его вкладе в современное гуманитарное знание делает выпускница ИАИ 1944 г., профессор, доктор исторических наук Ольга Михайловна Медушевская – ученица А.И. Андреева и В.К. Яцунского.

²⁷ АРАН. Ф. 1646. Д. 1307. Л. 18 об.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Р.Г. Пихоя.</i> Размышления об архивной реформе	3
<i>Н.Н. Покровский</i> (Новосибирск). Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х годов	18
<i>А.Е. Иванов.</i> Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения	47

* * *

<i>С.Н. Богатырев</i> (Хельсинки). Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть третья: 1571–1572 гг. Заключение	64
<i>О.В. Новохатко.</i> Служебные назначения по записным разрядным книгам XVII в.	82
<i>Ю.В. Андрияшитте.</i> Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в первой трети XIX в.	93
<i>А.С. Покровский.</i> Список участников II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (Набросок социально-политического портрета).....	110
<i>В.Г. Бухерт.</i> Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского.....	155
<i>Г.В. Михеева</i> (Санкт-Петербург). М.В. Машкова – историограф библиографии (К 85-летию со дня рождения)	165
<i>О.В. Рыкова.</i> Д.М. Шаховской – историк и генеалог (К 60-летию со дня рождения)	170

Тихомировские чтения 1994 года

<i>А.Л. Лифищ.</i> Хроника заседания "Архивный фонд России. Новые информационные возможности"	174

К 150-летию со дня рождения председателя Императорской Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева

Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева (подг. и предисл. <i>С.О. Шмидта</i>)	178
<i>Л.И. Шохин.</i> Неопубликованная работа С.Д. Шереметева о Смутном времени "Лев Сапега и Федор Шереметев"	185
<i>Л.И. Шохин.</i> С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях	191
<i>В.Г. Бухерт.</i> Б.Д. Греков в архиве Успенского Тихвинского монастыря	222
<i>А.В. Краско</i> (Санкт-Петербург). Шереметевские чтения в Петербурге	226

К 75-летию со дня кончины академика А.С. Лаппо-Данилевского

<i>С.О. Шмидт.</i> А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох.....	229
<i>О.М. Медушевская.</i> Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание	238

<i>В.П. Корзун</i> (Омск). Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского)	255
<i>С.В. Чирков</i> . А.С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии	263
<i>А.А. Александров</i> . Академик А.С. Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского	268
<i>Ф.Г. Тараторкин</i> . А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания "Истории России" на английском языке (1915–1918 гг.).....	270
<i>И.Л. Беленький</i> . К проблеме изучения идейного контекста "Методологии истории" А.С. Лаппо-Данилевского.....	274
<i>Л.Н. Простоловцова</i> . О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.).....	276

II. Обзоры, описания, библиография

<i>В.Г. Бухерт</i> . Как создавался "Очерк истории Министерства иностранных дел" (1900–1902 гг.).....	281
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Личный фонд М.В. Довнар-Запольского в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве	285
<i>И.В. Ковалев</i> . Судьба книги Н.Н. Воронина "Андрей Боголюбский" (К 90-летию со дня рождения ученого)	290
<i>И.С. Калантырская</i> . Е.И. Самгина и ее архив	296
<i>А.В. Попов</i> . Архивный фонд эмигранта Н.А. Троицкого: Материалы по изучению истории России	302
Список печатных трудов Л.П. Жуковской (за 1990–1995 гг.) (подг. И.В. Левочкин).....	308
Список печатных трудов М.П. Ирошникова (подг. Е.З. Панченко, А.Ф. Тутова).....	310
Список печатных трудов А.Д. Степанского	317

III. Публикации

Доклад Д.И. Довгялло "Археографические работы в Белоруссии" на Первой Всебелорусской конференции архивистов (подг. <i>М.Ф. Шумейко</i> . Минск).....	321
Неопубликованное предисловие Л.Б. Каменева к переизданию "Колокола" А.И. Герцена (подг. <i>В.В. Крылов</i>)	328

IV. Хроника

<i>А.Л.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1994 г.	357
<i>Н.А. Кобяк</i> Археографические экспедиции 1994 г.	358
<i>Г.Е.</i> Конференция, посвященная 110-летию создания губернских ученых архивных комиссий	359
<i>М.А. Ильин</i> (Тверь). В память о Н.М. Карамзине (Заседание "Историограф Н.М. Карамзин в Твери")	360
<i>В.М. Лавров</i> . Ученый, наставник, человек (Чтения памяти Е.Н. Городецкого)	361
<i>Ю.В. Андрюшайтите</i> . Международный семинар, посвященный Э. Лауцвичюсу	364
<i>Н.А. Кобяк, А.И. Плигузов</i> . Об издании Великих Миней Четых митрополита Макария. (Хроника заседания во Фрайбурге).....	365

<i>Н.Н. Покровский</i> (Новосибирск). К кончине Вадима Александровича Александрова (1921–1994)	367
<i>И.В. Левочкин</i> . Лидия Петровна Жуковская (1920–1994)	370
<i>А.А. Турилов</i> . Архимандрит Иннокентий (1940–1994)	372
<i>Н.А. Троицкий и др.</i> (Саратов). Леонард Адамович Дербов (1909–1994).....	374
Список сокращений	377